

ЕЛЕНА ЧИРКОВА

ОТ
ЗОЛОТОГО
ТЕЛЬЦА
ДО
«ЗОЛОТОГО
ТЕЛЁНКА»

*Что мы знаем о литературе
из экономики и об экономике
из литературы*

СОРПУС

Елена Чиркова

**От золотого тельца до «Золотого
теленка». Что мы знаем о
литературе из экономики и
об экономике из литературы**

«Corpus (АСТ)»

2018

УДК 33+82
ББК 65+84

Чиркова Е. В.

От золотого тельца до «Золотого теленка». Что мы знаем о литературе из экономики и об экономике из литературы / Е. В. Чиркова — «Corpus (АСТ)», 2018

ISBN 978-5-17-108970-2

Стремление к богатству или неспособность справиться с финансовыми проблемами гораздо чаще, чем принято думать, становятся двигателем сюжета, определяют поведение и характеры героев Шекспира и Достоевского, Гете и Стейнбека, Диккенса и Ремарка. Прибыль, кредит, инфляция в великих романах нередко играют на равных с любовью и ненавистью, честью и мужеством. Об этом рассказывает в своей книге Елена Чиркова, предлагая взглянуть на литературу с точки зрения ее экономического содержания. Елена Чиркова – доцент Школы финансов факультета экономических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

УДК 33+82

ББК 65+84

ISBN 978-5-17-108970-2

© Чиркова Е. В., 2018

© Corpus (АСТ), 2018

Содержание

Введение	6
Глава первая	11
Глава вторая	17
Глава третья	25
Глава четвертая	32
Глава пятая	38
Глава шестая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Елена Чиркова
От золотого тельца до «Золотого теленка»
Что мы знаем о литературе из
экономики и об экономике из литературы

© Е. Чиркова, 2018

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2018

© ООО «Издательство Аст», 2018

Издательство CORPUS ®

* * *

Введение

Несколько слов о гармонии экономики и эстетики

Порой в романе можно обнаружить такое потрясающее описание экономических реалий и процессов, какого не встретишь и в научном тексте. Художественно-экономические книги – назовем их так – я бы поделила на три разряда. Первый – это книги-аллегии, в которых современный читатель без специальных знаний экономическое содержание никогда не выцепит, если ему не подсказать. Например, «Путешествия Гулливера» (1726–1727) – это рассказ о Войне за испанское наследство между Англией и Испанией в начале XVIII века.

А, скажем, «Удивительный волшебник из страны Оз» Фрэнка Баума (1900), тот самый, что переписан в виде «Волшебника Изумрудного города» нашим Александром Волковым, представляет собой спор в аллегорической форме о том, какой денежный стандарт лучше: золотой или двойной, когда обращаются и золото, и серебро, – последний еще называют биметаллическим. Во второй половине XIX века американский доллар обеспечивался только золотом, что делало его очень сильным. Упрощенно говоря, укрепляющаяся валюта выгодна кредиторам, так как кредит не обесценивается, но не выгодна заемщикам, так как занятое отдавать тяжело. «Народные» политики (тогда в США существовала Народная партия) ратовали за переход с золотого стандарта на двойной. Под дополнительное серебряное обеспечение предлагалось эмитировать новые бумажные деньги. Доллар бы чуть-чуть ослаб, но не обесценился резко, а фермерам – основным заемщикам в стране – стало бы легче.

Небогатый южанин Баум выразил эту идеологию в книге «Удивительный волшебник из страны Оз», которая писалась как детская сказка, но была наспигована прозрачными для того времени намеками, понятными, правда, только взрослым. Желтая дорога – это золотое обеспечение доллара. Изумрудный город (зеленый, цвета купюры) – собственно деньги, способные реализовать любые мечты. Глупый Страшила – простодушные фермеры; Железный Дровосек, не имеющий сердца, – города с их промышленностью; Трусливый Лев – вожди Народной партии; маленький народец жевуны – несчастный рабочий класс; злая колдунья – олицетворение корыстных интересов бизнеса; а всемогущий волшебник, он же великий обманщик, – это президент США.

Потом выясняется, что Страшила отнюдь не дурак, Дровосек умеет любить, а Лев храбр как лев. И Изумрудный город – доллар – совсем не волшебен, это люди сами его таким считают, разглядывая сквозь зеленые очки. А городом заправляет не всемогущий волшебник, а обычный человек, но, поскольку от него ждут чудес, он вынужден надувать щеки и делать загадочные движения руками. Чтобы исправить положение, автор предлагает ввести в обращение серебро, которое зашифровано в сказке как серебряные башмачки¹.

На практике идея двойного стандарта не была реализована, но доллар удалось все же несколько ослабить. Приток в казну желтого металла с вновь открытых месторождений золота в Калифорнии и на Аляске позволил нарастить обеспеченную им денежную массу. Экономическое содержание сказки вскоре забылось, и в первой голливудской экранизации Дороти (у Волкова – Элли) носит уже рубиновые башмачки, ибо фильм был цветной и режиссер решил, что рубиновые будут эффектнее. И лишь доллар по-прежнему зеленый, хотя очки, приукрашивающие действительность, теперь называют розовыми.

¹ Эти сведения приведены, например, в книге: Везерфорд Д. *История денег. Борьба за деньги от песчаника до киберпространства*. М.: Терра – Книжный клуб, 2001.

* * *

Второй тип художественно-экономических текстов – когда автор стремится донести до читателя свои социальные взгляды, никак их не маскируя, а излагая в лоб, без трудночитаемых аллегорий, хотя действие книги может происходить и в вымышленном мире. Типичными примерами книг, где излагаются социальные воззрения, являются, например, утопии XVI–XVII веков: «Утопия» англичанина Томаса Мора (по заглавию этой книги стал называться и сам жанр) и «Город Солнца» итальянца Томмазо Кампанеллы.

Что-то похожее попытался сотворить и советский детский писатель Николай Носов в своей политизированной сказке «Незнайка на Луне» (1965). Мир земных коротышек, где родился Незнайка, – положительных героев, которые, видимо, скоро будут жить при коммунизме, – списан с города Солнца Кампанеллы. У Носова один из земных городов даже назван Солнечным. На Луне (населенной, естественно, лунными коротышками), куда судьба забрасывает Незнайку, – классический мир товарно-денежных отношений, узаконенная частная собственность и свобода предпринимательства, а мерило ценности человека – его капитал. «Образ врага» подан гротескно.

Но книжка не так проста, как кажется на первый взгляд. Среди земных коротышек, у которых нет материальных стимулов к труду, полно тунеядцев: Пончик, Гунька, да и сам Незнайка, а лидер коротышек Знайка явно страдает диктаторскими замашками. Лунные коротышки – трудяги, ибо им есть к чему стремиться. В довершение всего победа коммунизма над капитализмом достигается только фантастическим путем, при помощи использования «новых технологий»: земным коротышкам удастся разрешить проблему редкости экономических благ за счет резкого увеличения производительности всех отраслей промышленности в результате использования невесомости и внедрения в агротехнику гигантских земных растений. Было ли это намеком на то, что «победа по очкам» невозможна?

Из этой же серии роман французских писателей Веркора и Коронеля «Квота, или Стронники изобилия» (1966). В книге в сатирическом ключе обыгрывается кейнсианский метод повышения благосостояния народа за счет стимулирования спроса и критикуется общество потребления. В Тагуальпу – «небольшую североамериканскую республику, лежащую между Соединенными Штатами и Мексикой», прибывает мастер продаж Квота. Его методы продаж внедряются повсюду, затем додумываются до того, чтобы увязывать зарплату рабочих и сотрудников с тем, сколько товара они покупают, в результате общество начинает жить гораздо богаче. Только нужно ли это богатство, если у рабочих теперь по несколько телевизоров и машин? Внезапно оно утомляет людей, начинают гоняться за старыми, более добротными вещами, «к которым привязывались, как к доброму коню или верному слуге», и эта мода распространяется с быстротой эпидемии гриппа. Цены на старые автомобили достигают фантастических высот. Такое поведение потребителя – подрыв благосостояния, а власти о нем пекутся: «Были изданы строгие законы, чтобы в корне пресечь эту опасную моду. Для нарушителей устанавливалась возрастающая шкала наказания, начиная с небольшого штрафа и кончая заключением в тюрьмах для рецидивистов, а для упорных спекулянтов – даже каторжные работы». Грань между экономическим принуждением и тоталитаризмом тонка.

В предисловии к роману авторы рассказывают историю его создания. Замысел пришел к одному из них в 1939 году. Коронель, работая в крупной фирме в США, узнает о новом методе продажи автомашин: самого нерешительного покупателя чуть ли не с помощью гипноза заставляли сделать покупку. Уже после войны по заказу нью-йоркского издателя Веркор и Коронель пишут роман: издатель уверяет, что «такой роман жизненно необходим американскому читателю».

* * *

И наконец, третий тип книг с экономическим содержанием. Это собственно художественные произведения, а не закамуфлированные трактаты. Просто их авторы умеют наблюдать экономическую жизнь общества, ухватывают финансовые коллизии и наделены даром отразить это в художественном тексте, да так, что порой и у экономистов лучших описаний существа дела не найдешь. А еще экономическими бывают сказки!

В эссе «Библиотека всемирной литературы» (1927) великий немецкий писатель Герман Гессе писал о том, что бы он подумал о владельце «идеальной» библиотеки, в которой по два романа Бальзака и Диккенса, если бы такового встретил: «Довольно неплохое собрание, сплошь проверенные вещи, но разве нет у владельца никаких увлечений, предпочтений, страстей, разве в сердце его нет ничего, кроме нескольких книг по истории литературы? Если у него, к примеру, есть лишь по два романа Диккенса или Бальзака, то, значит, ему их навязали. Если бы он выбирал действительно лично и свободно, то он или любил бы обоих авторов и имел бы как можно больше книг того и другого, или предпочел бы одного из них, куда бы больше, к примеру, любил милого, доброго, прелестного Диккенса, чем грубоватого Бальзака, или, напротив, любил бы Бальзака, хотел бы иметь все его книги и выбросил бы из библиотеки слишком сентиментальные, слишком добродетельные, слишком обывательские книги Диккенса».

Как экономист я отношусь как раз к первому разряду людей – люблю того и другого, ибо оба они прекрасно описывают экономические явления. И об их текстах мы здесь и будем говорить подробно.

Еще Шекспир предупреждал, что для притока денег в страну надобно иметь благоприятный климат – инвестиционный, конечно же. Эптон Синклер разложил по полочкам способы обмана миноритарных акционеров начала XX века, с успехом используемые и в наше время. Теодор Драйзер рассказал, как на связях с государственными органами делаются олигархические состояния. Петр Боборыкин увидел и представил в романе «Китай-город» зарождавшийся в конце XIX века слой «новых русских» практически в малиновых пиджаках. Островский живописал последствия жизни в кредит, а Чехов в «Вишневом саде» и вовсе показал подноготную современного ипотечного кризиса.

В некоторых книгах можно найти лишь отдельные приметы экономики описанного времени, но и они крайне ценны. «Крестьяне забросили плуги, оделись в шелка, их прежде мозолистые руки стали мягкими», – пишет Сервантес в «Дон Кихоте» (1613). Это отражение «ресурсного проклятия», обрушившегося на Испанию после завоевания Латинской Америки в 1520–1530-х годах. На страну посыпался золотой и серебряный дождь: в XVI веке из Нового Света в Испанию было переправлено столько золота и серебра, что в конце столетия запас этих металлов превысил уровень 1492 года в пять раз. Страна практически перестала производить что-либо сама: пять шестых всего объема грузов, отправлявшихся из Испании в ее американские колонии, – это товары иностранного происхождения. Почти весь золотой запас тратился на покупку во Франции предметов роскоши. Франция как их производитель поднимается именно за счет испанского спроса (и сохраняет это место в мировом разделении труда по сей день). Что касается испанцев, то после 1610 года резко идет на убыль золотой, а после 1630-го и серебряный поток. Страна теряет и господство на море – оно переходит к голландцам, а затем к англичанам. В экономическом отношении Испания оказывается европейским аутсайдером.

Жизнь героини повести Гоголя «Старосветские помещики» (1835) помещицы Пульхерии Ивановны состоит «в беспрестанном отпирании и запирании кладовой, в солении, сушении, варении бесчисленного множества фруктов и растений». «Ее дом был совершенно похож

на химическую лабораторию. Под яблонею вечно был разложен огонь, и никогда почти не снимался с железного треножника котел или медный таз с вареньем, желе, пастилою, деланными на меду, на сахаре и не помню еще на чем. Под другим деревом кучер вечно перегонял в медном лембике водку на персиковые листья, на черемуховый цвет, на золототысячник, на вишневые косточки... Всей этой дряни наваривалось, насоливалось, насушивалось такое множество, что, вероятно, она потопила бы наконец весь двор...» Почти все необходимое производится внутри имения, на базар помещики ездят крайне редко. Это описание натурального хозяйства – и отсталости экономики Российской империи в первой трети XIX века, задуманной крепостным правом.

А помните, как начинается «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» (1886) Роберта Льюиса Стивенсона? Некий мужчина сшиб на улице девочку лет девяти, хладнокровно наступил на нее, упавшую, и даже не обернулся на ее громкие стоны. Разъяренная толпа «выбила» из «самого Сатаны» 100 фунтов². Он дошел до какого-то дома, вынес 10 гиней³ и чек на «банк Кутса»⁴, выданный на предъявителя и подписанный известными именами, на остальную сумму. Все это происходит в четыре утра. Тут же возникло подозрение, что чек – фальшивка и нужен, чтобы скрыться, пока банки закрыты, но виновник происшествия – а это был, разумеется, мистер Хайд – предложил дожидаться утра и лично обналичить чек. К удивлению рассказчика, свидетеля происшествия, чек оказался самым настоящим. Чек на предъявителя здесь не случаен, ведь Хайд скрывает свою личность (у него даже фамилия говорящая: от английского hide – скрывать). Чуть позднее, будучи в Англии, чеками воспользуется граф Дракула в «Дракуле» (1897) Брема Стокера. Стокер и Стивенсон рассказывают нам, что в последней трети XIX века англичане обзавелись чековыми книжками: это удобно и им, и банкам⁵.

Если поглубже вникнуть в цифры, приводимые Томасом Манном в «Будденброках» (1896–1900), то можно подсчитать среднюю доходность капитала семейной фирмы Будденброков, которая с учетом потерь в отдельные годы окажется не так уж велика даже в лучшие времена. Это заставит задуматься, так ли уж неправ второй муж Тони Будденброк – господин Перманедер, который, женившись на Тони, изъясил свой капитал из мюнхенской пивоварни и вложил в арендную недвижимость (доходность которой тоже можно подсчитать). А ведь тот факт, что Перманедер не деятелен и предпочитает жизнь рантье, – одна из претензий Тони к мужу, которые и вынуждают ее с ним расстаться. Дело, кажется, не в процентах. Быть предпринимателем – престижно и модно, это вызывает уважение, а лежать на боку (в романе – пропадать в пивном заведении каждый вечер) и снимать сливки с капитала, ничего не делая, – нет.

* * *

Разумеется, ни Сервантес, ни Стивенсон, ни Чехов не задумывались об «экономическом содержании» своих произведений – для них оно было неотъемлемой частью, одним из слоев той жизни, о которой они писали в своих романах, рассказах, пьесах.

² 11 800 фунтов на нынешние деньги.

³ Гиней была чуть дороже фунта.

⁴ Респектабельный банк, услугами которого пользовалась сама королева.

⁵ Подробно экономическое содержание романов Стивенсона и Стокера – правда, с фрейдистских позиций – разбирается в книге: Houston G. *From Dickens to Dracula*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. Кстати, Гейл Хьюстон считает, что «Дракула» – морализаторский (это слово мое. – Прим. Е. Ч.) экономический роман. В нем показано, как умный Дракула, который понял, что деньги в виде золота, если они лежат мертвым грузом в подвале замка, а не участвуют в обороте, ничего не производят, подался в Англию, где можно было активно участвовать в экономической жизни. Чем Дракула и занялся, скупая дома. В этом смысле роман Стокера можно отнести к тому же типу книг, что и «Удивительный волшебник из страны Оз».

Читатели иногда морщатся, встречая в великих книгах рассуждения о ставках по кредиту, облигациях или долговых расписках, которые так контрастируют с тонкими лирическими зарисовками или описаниями душевных переживаний героя, спешащего с топором под пальто на свидание со старухой-процентщицей.

Но я убеждена, что внимание к этим деталям не только углубляет наше понимание образов Растиньяка или Раскольникова, но и делает по-настоящему полноценным эстетическое наслаждение, которое мы получаем от погружения в многослойный мир литературы.

Напоследок скажу, что я собирала для этой книги материал много лет. Составление одного только списка художественных произведений – огромная работа. Какие-то тексты очевидны, какие-то подсказали филологи, на что-то указали в своих работах те западные ученые, кто занимается новым научным направлением: экономической критикой художественных текстов – довольно много отсылок к художественной литературе попались мне и в сугубо экономических работах. Эта книга – моя третья попытка высказаться на тему экономического содержания художественных произведений. Первой была «История капитала от „Синдбада-морехода“ до „Вишневого сада“. Экономический путеводитель по мировой литературе», вышедшая в 2011 году. Затем главы этой книги превратились в серию статей в журнале «Коммерсантъ-Деньги». Новая версия книги объединяет все лучшее из предыдущей книги и статей. И она существенно объемнее: добавились как новые художественные тексты, так и новые экономические комментарии. Насколько мне известно, на сегодняшний день моя книга охватывает самый широкий круг литературных источников по сравнению с книгами подобного жанра. Но я нескромно надеюсь, что читатель оценит ее не только за это.

Глава первая

«Не счесть жемчужин в море полуденном»

Экономический трактат «Тысяча и одна ночь»

«Сказка ложь, да в ней намек...» – утверждает русская пословица. И не только намек. Например, из сказок можно много чего почерпнуть об экономической жизни общества. «Тысяча и одна ночь» в этом отношении – настоящая библия. На нее как на источник информации о средневековой торговле ссылаются, например, выдающийся французский историк материальной цивилизации Фернан Бродель в «Играх обмена» – одной из книг своего фундаментального трехтомника «Материальная цивилизация, экономика и капитализм» (1979).

Большинство исследователей сходится в том, что у «Арабских ночей» коллективный автор, самые ранние сказки были созданы в Персии и Индии и переведены на арабский в VIII веке, постепенно к ним добавлялись новые и новые истории, уже местного происхождения. Первое упоминание современного названия книги на арабском относится к XII веку, а дописывание ее продолжалось вплоть до XVII столетия, когда сказки начали переводиться на европейские языки.

Действие рассказов Шехерезады по большей части происходит в двух важных центрах средневекового арабского мира – в Багдаде и его порту-сателлите Басра в конце VIII – начале IX века, во время правления халифа Гаруна-аль-Рашида, и в Каире и его порту Александрия в более позднее время.

В VIII–XII веках от Пиренеев до истоков Инда – на территории арабского халифата Аббасидов – существовало единое экономическое пространство, сохранившееся и после распада халифата в X веке. Ибн Баттута, арабский путешественник и странствующий купец родом из Магриба, объездивший всю Азию и Африку (правда, на несколько веков позже), с удивлением констатировал, например, что на западном и восточном полюсах Арабского Востока базары даже выглядят одинаково.

Путешествия вроде того, какое совершил Баттута, были в порядке вещей. Дервиш-оборотень, который в сказке «Аладдин и волшебная лампа» охотится за лампой, прибыл в Персию, где живет Аладдин, аж из Магриба, а это 5 тыс. км – месяца три пути!

* * *

В «сказочные» времена арабами были монополизированы экономические связи между производящим Востоком (Индией, Китаем) и потреблявшей Европой, напрямую с которой торговала только граничившая с нею Византия. Арабские купцы плавали на Восток до Цейлона уже в I веке до н. э., а к VI веку н. э. установили фактическую монополию на торговлю с Китаем. Сделали это малой кровью – просто европейцы надежного способа добраться в Китай пока не нашли. Эти 10 тыс. км были самым длинным морским торговым путем в мире – неким морским аналогом Великого шелкового. Он занимал около 120 дней. Умножьте это на два и добавьте месяц-другой на сбыт товара в Китае и тамошние закупки – типичная экспедиция на Восток могла занимать почти год. Арабская монополия в мировой торговле сделала Багдад самым важным коммерческим центром в мире.

«Государь ты мой батюшка родимый! Не вози ты мне золотой и серебряной парчи, ни черных соболей сибирских, ни ожерелья бурмицкого, ни венца самоцветного, ни тувалета хрустального, а привези ты мне аленький цветочек...» – просит купца младшая дочь в сказке Сергея Аксакова. Все перечисленное, кроме цветочка, – предметы роскоши. Арабы везли золото,

слоновую кость, алмазы из Индии, шелк и фарфор – из Китая, и это тоже предметы роскоши. Почему же морская торговля сосредоточилась именно на них?

Существенным ограничением ассортимента товаров являлся тоннаж средневековых судов. Согласно исследованиям известного историка Жака Ле Гоффа, даже в XIV веке общий тоннаж венецианского флота не превышал 40 тыс. тонн, то есть был в семь-восемь раз меньше вместимости одного современного нефтяного супертанкера. Кроме того, затраты на транспортировку товаров были очень велики, а риски торговых экспедиций – колоссальными. Длительные путешествия означали медленную оборачиваемость капитала и необходимость надолго замораживать большие суммы. Все это должно было окупаться за счет накруток⁶, а большую наценку на стоимость товаров первой необходимости не сделаешь.

А откуда спрос? Почему в Средневековье в жарких арабских странах покупали северные меха, а в холодной Европе – китайский шелк? Потому что это статусные товары, наличие которых у владельца подчеркивало его высокое социальное положение. Крупнейшими потребителями шелковых тканей и других предметов роскоши с Востока были европейские королевские дворы и католическая церковь.

Производилась же роскошь в Азии. В IX–XIII веках страны Европы, за исключением Византии и мусульманской Испании, служивших мостами между Западом и Востоком, были периферией цивилизованного мира. Экономическая мощь – на стороне Востока. Согласно подсчетам британского экономиста Ангуса Мэдисона, в 1000 году в Западной Европе ВВП на душу населения составлял около 90 % от уровня Азии (без учета Японии), но доля Европы в мировом валовом продукте составляла всего около 9 %, а Азии – примерно 68 %.

Арабское доминирование в морской торговле растянется на 500 лет. В XIII веке Китай оккупируют монголы, которые не придумают ничего лучше, чем поднять портовые сборы для заходящих кораблей. Восточная торговля замрет, арабские купцы начнут встречаться с китайскими на нейтральных территориях – на Цейлоне или в Малайзии. А в 1448 году португальский мореплаватель Васко да Гама обогнет мыс Доброй Надежды и обнаружит путь из Европы в Индию. Он высадится на территории современного штата Гоа, захватит арабские суда и безжалостно расправится с пленниками – покажет, «кто теперь кто». Так наступит конец господству арабов в торговле между Востоком и Западом, но это случится несколько веков спустя.

* * *

Мы можем многое узнать о том, что составляло предмет заморской торговли, которую вели арабы, по описаниям городских рынков в «Тысяче и одной ночи»⁷. В медном городе («Повесть о медном городе») их пять. На главный городской ходят местные за снедью; на рынке менял конвертируют валюту – меняльные лавки полны золота и серебра; есть еще три специализированных оптовых: на рынке драгоценных камней продаются жемчуга и яхонты, на шелковом – «разноцветные шелка и парча, затканная червонным золотом и белым серебром», на рынке москательщиков – благовония (мускус, амбра, алоэ, камфара).

В мусульманских странах крупной отраслью торговли была торговля рабами из Европы, Индии и особенно из Африки. О размахе работорговли свидетельствует сообщение арабского географа IX века аль-Истахри: один персидский купец во время летнего рейса в 936 году привез из Африки 12 тыс. рабов. Важнейшим каналом поставки рабов были караванные пути от побережья Средиземного моря через Сахару вглубь Африки. По современным оценкам, афри-

⁶ Чтобы получить 100 % годовых на капитал, который оборачивается за год 10 раз, на одном цикле достаточно зарабатывать 10 %, а если он за год оборачивается только раз – в 10 раз больше.

⁷ Более подробный анализ описания базаров в этой книге см.: Özveren E. *Bazaars of the Thousand and One Nights // The European Journal of the History of Economic Thought*. 2007. V. 14. № 4. P. 629–655.

канские государства Гана, Мали и др. с X и вплоть до XIX века отправляли с караванами до 7 тыс. рабов ежегодно.

Белые рабы поступали из крупных западноевропейских перевалочных пунктов, которыми в IX–XI веках служили Магдебург, Мекленбург, Прага, шведская Бирка, остров Готланд в Балтийском море, Хедебю (Дания) и Марсель, специализировавшийся на торговле невольниками из Англии.

Славяне и рабы других народностей, обитавших на территориях, которые впоследствии вошли в СССР, в основном «экспортировались» через Хазарский каганат в низовьях Волги. Посредниками служили сначала варяги, затем венецианские купцы.

Большая часть африканских рабов сбывалась на рынках Александрии, Кайрувана (Тунис) и Тлемсена (Алжир). По свидетельству персидского писателя Низами Арузи Самарканди, в афганском городе Балх в XII веке существовала целая улица торговцев рабами.

В «Тысяче и одной ночи» невольничьи рынки встречаются повсюду. В «Рассказе о двух визирях и Анис-аль-Джанлис», когда на рынок «сошлись все купцы», он «наполнился невольницами всех родов: из турчанок, франкских девушек, черкешенок, абиссинок, нубиянок, текрурок, гречанок, татарок, грузинок и других». В «Сказке о Нур-ад-Дине и Мариамкушачнице» продают рабыню из франков, дочь «эмира» европейского города, предположительно Марселя. За «гейшу» просят 10 тыс. динаров – стоимость 40-килограммового золотого слитка, и ее владелец клянется, что эти деньги «не покроют стоимости цыплят, которых она съела, и напитков, и одежд, которыми она наградила своих учителей, так как она изучила чистописание, и грамматику, и язык, и толкование Корана, и основы законовещения и религии, и врачевание, и времяисчисление, и игру на увеселяющих инструментах». В «Сказке о рыбаке Халифе» простая рабыня стоит 100 динаров, красивая – 1000, а цена сведущей во всех науках, искусствах и ремеслах тоже доходит до 10 тыс.

Диковинные подробности семи странствий Синдбада-морехода заимствованы составителем «Тысячи и одной ночи» из различных арабских «дорожников» IX–XIII веков. Сказка сообщает нам, куда плавали багдадские купцы и чем торговали. Так, во втором плавании Синдбад оказывается на острове, земля которого «из камня алмаза», и речь, по всей видимости, идет о знаменитой цейлонской «долине алмазов». Из этого же путешествия он привозит камфару и носорожью кость. В реальном мире камфарным маслом и костью, правда слоновой, можно было разжиться у индийских купцов. Из следующего путешествия герой возвращается с большим количеством «разных ожерелий, драгоценных камней, жемчужных цепочек и украшений из серебра и золота, отделанных разными металлами и редкостями». В шестом отважный мореплаватель снова раздобывает драгоценные камни и амбру в придачу.

В пятом путешествии Синдбад грузится на корабль, который проходит мимо нескольких островов – на одном произрастают корица и перец – и прибывает к «жемчужным ловлям», и там Синдбад выменивает жемчуга. Жемчужный промысел – скорее всего, в Индии, где добыча жемчуга велась организованно, в ней было задействовано несколько десятков тысяч ныряльщиков: «не счесть жемчужин в море полуденном» – это из арии индийского гостя в опере Римского-Корсакова «Садко» о странствованиях русского купца. Остров специй – возможно, Занзибар, который арабские купцы регулярно посещали с I-го тысячелетия н. э., используя для передвижения по Индийскому океану муссоны, и где уже в X веке возникло городское поселение с каменными строениями, в котором купцы начали селиться – остров был удобен как промежуточная торговая база.

В последнем, седьмом путешествии Синдбад прибывает в «город Китай», а там корабль настигают порывистый ветер и сильный дождь. Капитан в страхе, он развязывает мешок из хлопчатой бумаги, высыпает оттуда белый порошок, смачивает водой и нюхает, чтобы прийти в себя. Наркотики действительно в те времена производили в Китае!

* * *

Кроме географии плаваний и «товарной номенклатуры» «Синдбад-мореход» прекрасно описывает экономику заморской торговли тех времен: колоссальный риск и соответствующая ему высокая рентабельность операций. Основные риски «заморской торговли» были таковы: судно могло попасть в шторм и разбиться о скалы, сесть на мель, быть атаковано морскими пиратами (в те времена и в тех краях это были в основном вьетнамцы), сбиться с пути, а люди – погибнуть без воды и пищи. Выкосить людей могла и эпидемия. Товар мог испортиться, его могло смыть за борт во время шторма.

В сказке Синдбад сталкивается практически со всеми известными рисками морской торговли. В каждом плавании с мореходом и его «коллегами по цеху» случается какая-то напасть: то товар теряется, то обезьяноподобные люди нападают и отбирают все, то купцы гибнут «от боли в животе из-за морской воды», то корабль мотает так, что он «видит дно», то ветер разбивает судно о скалы. А купец – герой «Повести о царе Омаре ибн ан-Нумане», – возвращаясь из Индии в Багдад, подвергается нападением курдов.

О доходности, которую приносили вояжи Синдбада, можно судить по его загулам после странствий и по приросту его капитала. Стартовый составил всего «три тысячи дирхемов», или 300 динаров, стоимость трех плохоньких рабынь. Рентабельность торговли такова, что, вернувшись в Багдад из первой «ходки», Синдбад покупает себе «слуг, прислужников, невольников, рабынь и рабов», накупает «домов, земель и поместий», сорит деньгами направо и налево – «развлекается наслаждениями и радостями, и прекрасной едой, и дорогими напитками». Возвратившись в родной город из второго путешествия, Синдбад опять принимается кутить: «раздавать милостыню, дарить и оделять, делать подарки всем своим родным и друзьям и начинает хорошо есть, и хорошо пить и одеваться в красивые одежды». В третьем походе успешный коммерсант «нажил столько денег, что их не счесть и не исчислить». После шестого мирового турне Синдбад едет в Багдад, преподносит дары халифу, а тот оказывает ему «великое уважение». К этому времени он уже снаряжает собственные корабли.

Купцы постоянно в движении. В «Повести о царе Омаре ибн ан-Нумане» один из них «уже около двадцати лет как углубился в чужие страны». Очень длительными были и путешествия Синдбада, последнее заняло аж 27 лет, правда, герой успел жениться и пожить на чужбине. Это тоже может быть правдой.

Аль-Истахри сообщает, что жители Сирафа (прибрежные районы Омана, откуда стартовали многие экспедиции на Восток) и побережья предпринимают морские путешествия, и среди путешественников есть такие, кто проводит время своей жизни на корабле: «Один житель Сирафа так привык к морю, что около 40 лет не спускался с корабля. Всякий раз, как он приближался к суше, он заставлял своих сотоварищей сходить на землю, дабы выполнить его дела в следующем городе. Если на судне обнаруживались щели и трещины и оно нуждалось в починке, тогда он переходил с того судна на другое». Именно непрерывным движением аль-Истархи объясняет богатство купцов – «состояние инога достигает четырех миллионов динаров».

* * *

Купечество – это привилегированный слой. Когда в одной из сказок Маруф-башмачник переезжает из Каира в другой город, где его никто не знает, и превращается в купца, он одалживает крупные суммы в ожидании каравана, который якобы должен прийти вслед за ним. Деньги эти столь велики, что местные охотно верят, будто Маруф – богач похлеще самого местного царя, хотя никаких доказательств этому нет и все его впервые видят. Маруфа разоб-

лачают так: одолженное он раздает как милостыню, а купцы, по мнению местных, не бывают щедрыми, «у них ткани годами лежат, купцы выжидают, чтобы продать их с прибылью». Действительно, в седьмом путешествии Синдбада шейх, зазывающий его на рынок, чтобы продать лодку морехода из сандалового дерева – последнее, что у него осталось после всех перипетий странствия, обещает, что, если лодка не принесет того, чем бы Синдбад был доволен, он будет держать ее в своей кладовой «до тех пор, пока не придут дни для купли и продажи».

В сказках описано и то, как на рынках торгуются за уникальный товар. Зачастую это аукцион, который организует местный зазывала. Через аукционные торги продаются все невольники и невольницы. Таким способом Синдбад и продает свою лодку – сходятся купцы и начинают набавлять за нее цену, а потом «перестают набавлять». В этот момент на авансцене появляется шейх, заявляет, что «такова цена твоего товара в дни, подобные этим», и интересуется, продаст ли Синдбад лодку сейчас или станет ждать, пока не придет «время увеличения ее цены». Синдбад оставляет решение за старцем. Тогда шейх предлагает ему 100 динар золотом сверх того, что дали за лодку купцы: оказывается, шейх сам хотел лодку, а аукцион был нужен, чтобы показать, что он не собирался обманывать гостя и готов был платить рыночную цену.

Из рассказов Шехерезады видно, что на Арабском Востоке были развиты финансовые инструменты, обслуживающие торговлю. Начиная с купцов, если они представляются честными людьми (а это зачастую определяется по репутации отца), охотно дают займы не только родственники, но и чужие люди, даже без процентов. Рабыню можно купить в рассрочку. Циркулируют векселя, правда, они могут оказаться необеспеченными. В «Рассказе о двух визирях...» продающего рабыню предупреждают, что покупатель собирается «кинуть» его при помощи такого векселя: он «напишет тебе бумажку с переводом на кого-нибудь из своих управителей, а потом пошлет к ним, вслед за тобою, человека, который им скажет: „Не давайте ему ничего“. И всякий раз, как ты пойдешь искать с ним, они станут говорить тебе: „Сейчас мы тебе отдадим“, – и будут поступать с тобою таким образом один день за другим... Когда же им наскучат твои требования, они скажут: „Покажи нам бумажку“, – и возьмут ее у тебя и порвут».

Еще в арабских сказках находим поддержку идеи о том, что арабское доминирование в торговле привело к упадку кустарной промышленности в самом халифате: арабы служили посредниками между Востоком и Западом, не экспортируя практически ничего собственного изготовления.

Эффект умирания одних отраслей экономики из-за сверхприбыльности других экономисты называют ресурсным проклятием. Считается, что от него пострадали Португалия и Испания во время их господства на море в XV–XVI веках, современный Афганистан, где выращивание мака привело к тому, что перестали сеять пшеницу. Многие думают, что оно есть и у современной России: рентабельная нефтедобыча убивает необходимость в развитии других секторов экономики.

Чем заняты герои «Тысячи и одной ночи», кто они по должности или профессии? Полно эмиров, халифов, царей и визирей, их слуг, еврейских менял, арабских и персидских купцов – каждый немного купец. Тучи невольников и невольниц. Есть врачи, портные, цирюльники и один уборщик на скотобойне («Рассказ о чистильщике и женщине») – эти, выражаясь современным языком, заняты в секторе услуг, а услуги не являются предметом экспорта-импорта. Если встречается ювелир, то это хозяин ювелирной лавки. Из занимающихся «производством» попались рыбаки (в «Сказке о рыбаке Халифе»), но ловля рыбы – это еще не ремесло, а промысел, да и рыба только для местного рынка; кузнец («Рассказ о кузнеце»), о котором сообщается одно – когда он «кладет руку в огонь», чтобы взять кусок раскаленного железа, «огонь не переходит на его руку»; и один башмачник, который лишь починял обувь, то есть работал в сфере услуг, да и то быстро надоело ему это дело, и он тоже заделался купцом. Где же кустари-ремесленники? Может, сказителям они неинтересны? Нет, просто все производство в те времена было сосредоточено в Византии, Индии и Китае.

С утратой доминирования в восточной торговле в арабском мире наступил экономический упадок. Примерно такой, как описывает Пушкин в «Путешествии в Арзрум» (1829): «Не знаю выражения, которое было бы бессмысленнее слов: азиатская роскошь. Эта поговорка, вероятно, родилась во время крестовых походов, когда бедные рыцари, оставя голые стены и дубовые стулья своих замков, увидели в первый раз красные диваны, пестрые ковры и кинжалы с цветными камушками на рукояти. Ныне можно сказать: азиатская бедность, азиатское свинство и проч., но роскошь есть, конечно, принадлежность Европы. В Арзруме ни за какие деньги нельзя купить того, что вы найдете в мелочной лавке первого уездного городка Псковской губернии».

Глава вторая

«Я в плен попал, и в рабство продан был...»

Работоторговля в мировой литературе

В комедии Грибоедова «Горе от ума» свояченица Фамусова старуха Хлестова держит в служанках девочку-арапку. Она приветчает Антона Антоновича Загорецкого – того самого, кто способствовал распространению слуха о помешательстве Чацкого, «лгунишку», «картежника» и «вора», – за умение раздобыть любую диковину, Хлестовой и ее сестре он «двух арапченков на ярмарке достал». В те годы богатые бары для забавы обзаводились дорого ценившимися людьми черной расы. Традиция старая и не только российская.

В «Арапе Петра Великого» Пушкина описана судьба прадеда поэта, африканца Ибрагима Ганнибала, который был пленен турками, попал в султанский сераль⁸ в 1705 году и годом позже был освобожден и привезен в Москву дипломатом Саввой Рагузинским, выполнявшим, кроме прочего, поручение Петра I по доставке в Россию из Турции мальчиков-арапов. Ганнибал был подарен Петру.

У Пушкина арапчонок, родившийся «под пятнадцатым градусом»⁹, «роду не простого»: он «сын арапского салтана», которого взяли в плен «басурмане», «в Цареграде» (Константинополе) продали, «а посланник выручил». Впоследствии «старший брат арапа приезжал в Россию с знатным выкупом».

Шекспировский Отелло, мавр на службе у Венецианской республики, правитель Кипра, получивший, как он уверяет, «жизнь и бытие от людей царского рода», – беглый раб. Однажды он «в плен попал, и в рабство продан был, и спасся из неволи». Когда при подстрекательстве Яго он совершает свое страшное преступление, его снимают с должности наместника на Кипре и тут же вспоминают, кем он был когда-то:

Что до раба
До этого, он будет предан казни,
Какую только можно изобрести,
Чтоб долго мучить и убить не скоро.

Дюма-отец в «Графе Монте-Кристо» подчеркивает статус главного героя не только его неисчерпаемыми богатствами, но и наличием невольницы, ведь «во Франции – это положение». Монте-Кристо утверждает, что однажды просто «проходил по константинопольскому базару и купил ее» – принцессу Гайде Тебелин, дочь преданного и убитого правителя Янины¹⁰.

Рассказ графа вполне правдоподобен. В 1869 году Марк Твен опубликовал книгу путевых заметок «Простак за границей», в основу которой легли его впечатления от Европы, Северной Африки и Ближнего Востока. Он уверяет, что в Турции существуют невольничьи рынки: «черкесы и грузины все еще продают в Константинополе своих дочерей». Правда, если раньше «молоденьких девушек раздевали у всех на глазах и осматривали и обсуждали, словно лошадей на ярмарке», то «теперь и выставка товара и сделки происходят тайно, частным образом».

⁸ Сераль – дворец правителя в мусульманских странах.

⁹ Эта широта пересекает современные Сенегал, Мавританию, Нигер, Чад, Судан, Эфиопию.

¹⁰ Имеется в виду многонациональный город-государство Янина, находившийся на территории современной Греции. В 1788 году его пашой провозглашается некто Алис (Али-паша). Он расширяет территорию своих владений до Салоник. В 1821-м начинается греческое восстание, и город осаждают. В 1822 году Али-паша погибает от руки палача. Действие романа происходит в 1815–1838 годах, а действие тех глав, где граф Монте-Кристо пребывает в Париже, – в 1830-х.

Цены высокие «отчасти потому, что спрос увеличился в связи с недавним возвращением султана и его свиты от европейских дворов...»

Хайле Селассие, последний император Эфиопии, в своих мемуарах сообщает, что он запретил работоторговлю, как только пришел к власти. Значит, она существовала во время экспедиций в Абиссинию (старое название Эфиопии) Николая Гумилева, посетившего ее трижды в 1909–1913 годах, ведь Селассие стал императором только в 1930-м. И значит, гумилевское стихотворение «Невольничья» из сборника «Чужое небо» 1912 года могло быть, как говорится, навеяно впечатлениями очевидца:

По утрам просыпаются птицы,
Выбегают в поле газели,
И выходит из шатра европеец,
Размахивая длинным бичом.

Он садится под тенью пальмы,
Обвернув лицо зеленой вуалью,
Ставит рядом с собой бутылку виски
И хлещет лентящихся рабов.

Мы должны чистить его вещи,
Мы должны стеречь его мулов,
А вечером есть солонину,
Которая испортилась днем.

Слава нашему хозяину европейцу,
У него такие дальнобойные ружья,
У него такая острая сабля
И так больно хлещущий бич!

Слава нашему хозяину европейцу,
Он храбр, но он не догадлив,
У него такое нежное тело,
Его сладко будет пронзить ножом!

В «Африканском дневнике» Гумилева находим рассказ о событиях в Хараре (современное написание – Харрар), городе на востоке Абиссинии (Эфиопии), имевших место, видимо, незадолго до его приезда в 1913 году. Некий дедзач Бальча, занявший город со своей армией, обнаружил, что там «целый квартал» «веселых женщин», из-за которых его солдаты ссорились. Тогда Бальча приказал вывести всех этих женщин на площадь и продал с публичного торга как рабынь.

В романе Марка Твена «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» (1889) американец переносится ко двору средневекового английского короля. Главный герой и монарх решаются инкогнито отправиться в путешествие по стране, и в глубинке их по недоразумению продает в рабство местный лорд. Янки рассказывает: «... тут было страшное захоlustье, и нас купили так дешево, что мне даже стыдно вспомнить об этом. Король Англии пошел за семь долларов, между тем за короля можно было дать двенадцать долларов, а за меня все пятнадцать». Своей рыночной ценой недоволен и король, о котором янки говорит: «Он так надоел мне, доказывая, что на настоящем рынке за него дали бы никак не меньше двадцати пяти долларов, что было полнейшей нелепицей и ерундой, наглым самомнением. Да я сам столько не

стоил! <...> А теперь он так надоел мне своим нытьем, что я был бы счастлив, если бы за него дали сто. Но надежды не было, ибо нас каждый день осматривали всевозможные покупатели и большей частью так отзывались о короле: „Этому болвану и вся цена-то два с половиной доллара, а чванливости у него на тридцать пять“».

* * *

В 1441 году португальцам Антану Гонсалвишу и Нуну Триштану, отправившимся в плавание по приказу принца Генриха Мореплавателя, удалось достигнуть побережья сегодняшней Мавритании, где команда корабля захватила несколько пленников – местных жителей. Целью первого в истории документированного пленения европейцами людей в Африке было получение сведений о стране и ее населении. Однако скоро в Европе поняли, какую коммерческую и социальную выгоду приносит захват людей для продажи в рабство.

В Португалии появилось множество пленных мавров, но цена на них не падала: рабский труд приобретал все большую роль в экономике страны.

До прихода португальцев из Африки везли золото, слоновую кость, черепаши панцири и ткани, а работорговля составляла незначительную часть товарооборота между Африкой и Европой. С приходом португальцев ее доля возросла. Португальцы разрушили монополию мусульманских государств Северной Африки, которые многие века держали работорговлю в своих руках.

Вскоре вожди берберов дали понять португальцам, что легче покупать рабов, нежели захватывать в бою. Когда европейские купцы примерно в 1475 году начали торговать с империей Бенин, находившейся близ нынешнего нигерийского побережья, они обнаружили, что там тоже можно покупать пленников.

Мало-помалу для африканских вождей торговля людьми стала вынужденной. Они должны были получать европейские товары, в частности огнестрельное оружие, чтобы брать верх в схватках с врагами. Если африканцы не соглашались доставлять рабов или мешкали, европейские корабли снимались с якоря и уходили в другие места. На первых порах работорговцам приходилось долго идти вдоль побережья, покупая по несколько рабов то там, то здесь, но со временем в некоторых районах были созданы запасы товара.

В пункты сбора рабов превратились европейские форпосты на Золотом Берегу (северное побережье Гвинейского залива). Также собственные помещения для содержания рабов, практически тюрьмы, стали возводить местные вожди. Как только приходил европейский корабль, рабов выводили, корабельный хирург или лекарь их осматривал, годных отводили в сторону и клеймили раскаленным железом, чтобы торговая компания могла легко найти свой товар, а африканские торговцы не подменили его после осмотра.

С расширением торговли африканские вожди научились извлекать из нее прибыль, введя систему налогов и дани. Например, один король разрешал торговлю, только если ему вручали подарки стоимостью в 50 рабов, сыну короля при этом выдавали стоимость двух рабов за право заправить судной водой.

* * *

В XVI веке ни Франция, ни Англия, ни Голландия не проявляли особого интереса к рабам. Первые английские и французские экспедиции отправлялись к берегам Гвинеи за золотом, слоновой костью и перцем. В 1623 году английский капитан Джобсон заявил торговцу на побережье Африки, который привел рабов на продажу: «Мы не торгуем таким товаром и вообще не покупаем и не продаем один другого или себе подобных».

Во Франции, в отличие от Англии, торговля рабами была запрещена и законом. Королевский указ 1571 года гласил: «Франция, родина свободы, не допускает рабства». Уложение 1607 года подтверждало эту норму: «Как только раб достигает наших границ и принимает крещение, он становится свободным». (Скорее всего, чтобы закрепить свой статус свободного человека, крестился и мусульманин Отелло.)

В 1492 году Христофор Колумб открыл Вест-Индию (острова Карибского моря), еще через восемь лет португальцы достигли побережья Бразилии. К тому времени работорговцы доставили в Европу несколько десятков тысяч рабов. Но по мере освоения новых территорий работорговля приняла иные масштабы. Сначала рабы переправлялись из Западной Африки в испанские владения в Карибском море и Бразилию, основным перевалочным пунктом служила Куба. Позднее спрос на рабов предъявили новые поселенцы из Европы, обосновавшиеся в Вест-Индии и Северной Америке. К 1640 году рост поселений потребовал расширения работорговли.

Рост работорговли связан с расширением плантаций сахарного тростника (сахар в Европе был редкостью) и табака. Сахарный тростник и табак были очень трудоемкими культурами. Кроме того, рабский труд расходовался расточительно. Основными покупателями рабов стали Франция и Англия. Производить сахар-сырец оказалось гораздо выгоднее на французских островах, нежели на английских. В 1670 году королевский указ разрешил заниматься работорговлей каждому французу, который этого пожелает, потому что «ничто так не поможет росту колоний... как труд негров». В 1670-е Франция построила сахароперерабатывающие заводы и импортировала из Вест-Индии столько сахара-сырца, что стала главным поставщиком сахара в Европе.

На поставку рабов заключались и государственные контракты. Например, в начале XVIII века их поставками в испанские колонии занималась франко-гвинейская компания. В 1713 году асьенто (право) на торговлю рабами с испанскими колониями приобрела Англия, которая должна была за 30 лет поставить 144 тыс. рабов. Груз облагался пошлиной. Прибыль делили поровну английская и испанская короны.

За 400 лет, с XV века до конца XIX, португальские, испанские, английские, французские, голландские, немецкие, датские, шведские, бразильские и американские торговцы вывезли из Африки, по разным оценкам, от 15 до 50 млн человек. Основной период работорговли с Африкой приходится на 1550–1850-е годы.

* * *

Даниель Дефо во «Всеобщей истории грабежей и смертоубийств, учиненных самыми знаменитыми пиратами» (1724) подробно перечисляет, какая добыча доставалась пиратам на захваченных кораблях. Чаще всего это были рабы. Вот разбойники, пишет Дефо, захватывают «большое французское невольничье судно из Гвинеи, направлявшееся на Мартинику», на другом судне их добыча – «сорок негров и куча золотого песка, не считая мануфактуры и галантерейных товаров», на третьем – «слуги и рабы, роскошные наряды и драгоценности, золотые и серебряные сосуды, большая сумма денег». Один из героев, пират Бартоломью Роджерс, так воодушевлен, что решает сам заняться работорговлей: собирается купить на Мадагаскаре рабов, а потом продать их голландцам в Батавии (Джакарте) или Новой Голландии (Австралии).

В одной из новелл пираты собираются сбыть захваченных рабов, но на подходе к берегу их обнаруживают местные власти, корабль преследуют – не из-за груза, а потому что там пираты. Сначала капитан решает судно сжечь, а рабов отправить на шлюпках на берег. Но пираты спешат, «а снимать цепи с рабов – тяжкий труд и потеря времени». И корабль под-

жигают. «Восемьдесят негров, скованных по четверо цепями, должны были выбирать между смертью в огне и смертью в воде».

Невольник – не всегда чернокожий. В «Робинзоне Крузо» (1719) судно с турецкими разбойниками нападает на корабль, на котором отправился в плавание англичанин Робинзон. Большинство членов экипажа убито или ранено. Остальных, включая Робинзона, отвозят в морской порт Салех на побережье Африки, контролируемый мавританским султаном. Робинзон вспоминает, что «других англичан отправили вглубь страны, ко двору жестокого султана, а меня капитан разбойничьего судна удержал при себе и сделал своим рабом, потому что я был молод и проворен». Герою чудом удается спастись. В следующем путешествии он попадает на необитаемый остров, где находит себе слугу-раба – Пятницу, которого тоже занесли туда превратности судьбы: «Наконец дикарь подошел совсем близко. Он снова упал на колени, поцеловал землю, прижался к ней лбом и, приподняв мою ногу, поставил ее себе на голову. Это должно было, по-видимому, означать, что он клянется быть моим рабом до последнего дня своей жизни».

* * *

Когда французский сахар потеснил на рынке английский, англичане поняли, что в их интересах ограничить продажу рабов на французские острова, но это можно было сделать только путем ограничения поставки и на собственные. К началу XIX века экономика Англии уже не опиралась на импорт колониальных товаров – сахара-сырца, хлопка, рома и табака. Первая промышленная революция в Англии привела к индустриализации. Новые промышленники могли обойтись без плантаторов и работорговцев. И в начале XIX века Англия запретила перевозить рабов на своих судах и всячески препятствовала использованию судов других стран для работорговли.

Действие новеллы Проспера Мериме «Таманго» (1829) происходит во времена, «когда запретили торговлю неграми, и тем, кто хотел заниматься ею, пришлось не только обманывать бдительность французского таможенного надзора, что было не так уж трудно, но, кроме того, – и это было опаснее – ускользать от английских крейсеров».

Для торговцев «черным деревом» незаменимым становится капитан Леду. «Наручники и цепи, запас которых обычно имеется на невольничьем судне, всегда были у него новейшей системы и тщательно смазывались для предохранения от ржавчины». Но больше всего прославил его бриг «Надежда», вмещавший большое число рабов. Леду сконструировал его сам. «...Междупалубные пространства, узкие, со впалыми стенками, были не выше трех футов четырех дюймов... при такой высоте невольники не слишком большого роста могут сидеть достаточно удобно; а вставать... да зачем им вставать? <...> Прислонясь спиной к внутренней обшивке, негры – сидели двумя параллельными рядами, между которыми оставалось свободное место, на всех других невольничьих судах служившее только для прохода. Леду догадался поместить чернокожих и сюда, уложив их перпендикулярно к сидящим». Можно было втиснуть еще нескольких невольников, но «нельзя же забыть о гуманности» – плавание продолжалось несколько недель.

Мериме не преувеличивает. Из воспоминаний некоего англичанина Уолша, плившего в 1829 году из Бразилии на британском фрегате, который задержал в южной части Атлантики невольничье судно: рабы «находились между палубами в зарешеченном трюме. Он был так низок и мал, что людям приходилось сидеть тесными рядами между ног друг у друга, так что ни днем, ни ночью они не могли прилечь или даже изменить позу».

«Надежда» Леду благополучно покидает Нант. Инспекторы, добросовестно осматривавшие бриг, не обнаружили шести больших ящиков, наполненных цепями, наручниками и железными палками, и не удивились огромному запасу пресной воды на борту. Когда парусник

достиг западного берега Африки, на борт поднялись торговые агенты. Таманго, «прославленный воин и продавец людей», который пригнал к берегу множество невольников и отдал их по низкой цене, уверенный, что доставит еще, как только эту партию раскупят. В обмен на 160 рабов он получил «дешевые ткани, порох, кремни, три бочки водки и пятьдесят кое-как отремонтированных ружей». Шестеро самых слабых рабов отбракованы. Переводчик выменивает их на картонную табакерку, чтобы отпустить на волю, но большой вопрос, выживут ли они: невольники были захвачены в 200 милях от побережья, и до дома далеко.

Сохранилось множество свидетельств того, почему покупались рабы, ибо цены сделок заносились в судовые журналы. Например, в 1676 году корабль «Сара Бонавентура» приобрел 100 мужчин, женщин и детей за английские и индийские хлопчатобумажные ткани, пять мушкетеров, 21 брусок железа, 72 ножа, полбочонка пороху и некоторые другие товары. В журнале английского корабля «Артур», отправившегося в 1677 году в Новый Калабар (современное побережье Нигерии), зафиксировано, что цена составила 36 медных брусков за негра и 30 – за негритянку. Из записей в журнале судна «Альбион» узнаем, что в 1699 году за мужчину-раба было уплачено 13 брусков железа, за женщину – десять и два медных кольца.

В новелле «Таманго» к берегу рабов доставляют так: на шее у каждого рогатка, расходящиеся концы которой соединяются на затылке деревянной перекладиной. Когда нужно тронуться в путь, надсмотрщик кладет себе на плечо длинный конец рогатки первого невольника, тот берет рогатку идущего за ним, второй тянет за рогатку третьего... Чтобы передохнуть, предводитель колонны втыкает в землю острый конец ручки своей рогатки, и колонна останавливается. После заключения сделки французские матросы снимают с рабов деревянные рогатки и надевают им железные ошейники и кандалы – «неоспоримое доказательство превосходства европейской цивилизации».

Таманго сам оказывается на корабле, погнавшись за ним в надежде вернуть жену, которую он подарил Леду в сильном подпитии. Красавицу ему не отдают, наоборот, работорговец сам попадает в плен. На корабле поднимается восстание. Выживает один Таманго, его подбирает английский фрегат и доставляет на Ямайку. Спасенный рассказывает властям как на духу, что произошло. «Плантаторы острова требовали, чтобы его повесили, как негра-бунтовщика, но губернатор, человек гуманный... нашел, что его можно оправдать, так как, в сущности, он воспользовался законным правом самозащиты; к тому же те, кого он убил, были ведь всегонавсего французы».

* * *

Генри Лонгфелло в стихотворении «Свидетели» из цикла «Песни о рабстве» (1842) пронзителен:

Широк простор морской
И там, на дне, в песках,
Белеют под водой
Скелеты в кандалах.
Там, в глубине, плывут
Останки кораблей
И страшный груз несут —
Закованных людей.

«Скелеты в кандалах» действительно могут быть только на затонувших судах. Если раб умирал или заболел, его выбрасывали за борт, чтобы болезнь не перекинулась на весь «груз».

Выбрасывали без кандалов. Мертвецу просто отрубали ноги чуть выше щиколоток, чтобы выволить тело из цепи, которая сковывала нескольких рабов.

Смертность при перевозке рабов была очень высокой. Стихотворение «Невольничий корабль» Генриха Гейне (1853–1854) начинается с «калькуляции» барышей от продажи невольников голландского торговца ван Кука, который исходит из 50-процентной выживаемости:

Шестьсот чернокожих задаром я взял
На берегу Сенегала.
У них сухожилья – как толстый канат,
А мышцы – тверже металла.
В уплату пошло дрянное вино,
Стеклярус да сверток сатина.
Тут виды – процентов на восемьсот,
Хотя б умерла половина.
Да если триста штук доживет
До гавани Рио-Жанейро,
По сотне дукатов за каждого мне
Заплатит Гонсалес Перейро.

Но непредвиденные обстоятельства могут свести на нет эти расчеты. К ван Куку заходит корабельный хирург и сообщает, что смертность возросла: умирало по двое в день, а вчера «семеро пали». А экспедиция занимает недель шесть. Хирург проверяет, действительно ли умерли «павшие» или только прикинулись:

Я трупы, конечно, осмотру подверг.
Ведь с этими шельмами горе:
Прикинется мертвым, да так и лежит,
С расчетом, что вышвырнут в море.

Для раба это не шанс на спасение, а надежда на быстрое избавление от мук. Ведь, когда «дохлятину» выкинут в море, на нее, как «мухи на мед», налетят акулы, «целая масса»: их доктор снабжает «пайком из негритянского мяса».

Врач убежден, что свою смерть черные накликали сами, ведь:

От их дыхания в трюме смердит
Хуже, чем в свалочной яме.

Но часть, безусловно, подохла с тоски, —
Им нужен какой-нибудь роздых.
От скуки безделья лучший рецепт —
Музыка, танцы и воздух.

А дальше начинается пляска смерти под аккомпанемент импровизированного оркестра. Рулевой пикирует на скрипке, юнга бьет в барабан, кок играет на трубе, доктор – на флейте. И это не поэтический вымысел. Из-за высокой смертности рабов в экспедициях инвесторы в таких предприятиях несли большие потери. И к концу XVIII века вошло в практику выводить рабов на палубу и заставлять делать упражнения – прямо в кандалах. То же и в «Таманго»: «Моцион необходим для здоровья, поэтому капитан Леду завел полезный обычай: он часто

заставлял невольников плясать, подобно тому как перевозимых на борту корабля лошадей во время долгого плавания заставляют топтаться на месте. – Ну-ка, детки мои, попляшите, повеселитесь! – говорил капитан... шелкая длинным бичом. И бедные негры тотчас же принимались прыгать и плясать».

* * *

В XIX веке трансатлантическая работорговля стала постепенно затухать, но геноцид аборигенов продолжался. Колонизаторы, отправлявшиеся в Африку или Австралию с «цивилизаторской миссией», оставили множество воспоминаний о своих экспедициях. Один из лучших литературных источников – повесть Джозефа Конрада (Юзеф Теодор Конрад Коженевский) «Сердце тьмы» (1902) о путешествии вглубь Африки. По мотивам этого произведения кинорежиссер Фрэнсис Форд Коппола создал свой шедевр «Апокалипсис сегодня» (1979), действие которого, правда, перенесено в Юго-Восточную Азию. Конрад много лет нес морскую службу: был матросом, вторым и первым помощником капитана. В 1890 году в качестве капитана парохода бельгийской торговой компании прошел по реке Конго, и этот опыт лег в основу «Сердца тьмы».

Герой повести Чарли Марлоу отправляется вглубь Африки на речном судне, чтобы вывезти слоновую кость и мистера Курца – агента, который ее добывал. По дороге на станцию торговой компании, откуда должно начаться его плавание по реке, он видит рабов: «Шестеро чернокожих гуськом поднимались по тропинке. Они шли медленно... тихий звон совпадал с ритмом их шагов. <...> У каждого был надет на шею железный ошейник, и все они были соединены цепью, звенья которой висели между ними и ритмично позвякивали». А однажды ему повстречался белый человек в форменном кителе, который объявил, что «следит за ремонтом дорог». «Не могу сказать, чтобы я видел хоть какую-нибудь дорогу или какой-нибудь ремонт, – говорит Марлоу, – но, пройдя три мили, я буквально наткнулся на тело пожилого негра, убитого пулей, попавшей ему в лоб; быть может, это и свидетельствовало о мерах, предпринятых для улучшения дорог».

В 1992 году швед Свен Линдквист опубликовал эссе «Уничтожьте всех дикарей», названием которого послужила цитата из «Сердца тьмы». По мнению Линдквиста, специфика XIX века заключается в том, что впервые под уничтожение и захват в рабство коренных жителей Черной Африки была подведена «научная» основа. Аргументы сродни дарвиновским в «Происхождении видов»: слабый вид должен уступить место сильному. Настоящей же причиной был резкий прогресс в сфере вооружений в Европе, который сделал африканские экспедиции сравнительно малозатратными с точки зрения «расхода» людей: местное население ничего не могло противопоставить огнестрельному оружию.

Линдквист утверждает, что британская, немецкая, французская и бельгийская политика XIX века в отношении «дикарей», их закабаление или уничтожение – предтеча холокоста: «Фраза „уничтожьте всех дикарей“ находится не дальше от центра гуманизма, чем Бухенвальд от дома Гёте в Веймаре. Эта теория оказалась полностью вытесненной, в том числе самими немцами, которых сделали единственно ответственными за идеи уничтожения, которые на самом деле являются общеевропейским наследием».

Глава третья

«Хлопок правит миром»

Рабовладение и плантационное хозяйство в США XIX века

Как мы рассказывали в предыдущей главе, трансатлантическая торговля рабами стала сходить на нет после 1807 года, когда ее одновременно запретили Британия и США. Вслед за ними в течение нескольких лет от работорговли отказались другие европейские страны, одновременно поставив вне закона и рабство. Однако запрет на международную торговлю в США не означал полного прекращения купли-продажи рабов в стране и использования рабского труда.

Большинству российских читателей знакома «Хижина дяди Тома» (1852) Гарриет Бичер-Стоу – мощнейший манифест идей отмены рабства. (Кстати, «Записки охотника» Тургенева, которые сделали для отмены крепостного права в Российской империи не меньше, чем книга Бичер-Стоу, впервые вышли отдельным изданием в том же году.) «Хижина» стала самым продаваемым романом XIX века. Только за первый год разошлось более 300 тыс. экземпляров книги, а общий тираж достиг 600 тыс.

Согласно известной байке, в начале Гражданской войны с Бичер-Стоу встретился президент США Авраам Линкольн, который сказал: «Так это и есть та самая леди, которая начала эту войну!» Достоверность эпизода сомнительна: фраза впервые была опубликована через 30 лет после якобы состоявшегося разговора, но по ней можно судить, насколько влиятельной была книга.

На Севере США рабство было отменено в последней четверти – начале XIX века: в Вермонте – в 1777 году, в Массачусетсе и Пенсильвании – в 1780-м, в Род-Айленде и Коннектикуте – в 1784-м, в Нью-Йорке – в 1799-м, в Нью-Джерси – в 1804-м. Отмена рабства не означала физического освобождения рабов. О принятии закона было известно заранее, и к моменту его вступления в силу рабы оказывались проданными на Юг.

По оценкам американских ученых Сэмюэла Уильямсона и Луиса Кейна, в 1850-х годах совокупная стоимость всех рабов США в ценах 2011 года составляла около 7–9 трлн долларов!

На Юге США рабовладельческая система была ликвидирована только после поражения конфедератов в Гражданской войне (1861–1866).

Конфедерация – это объединение 13 южных рабовладельческих штатов США, вышедших из их состава¹¹. Эти штаты были реинтегрированы в США после победы северян.

Поначалу Гражданская война велась не за отмену рабства. Президент Линкольн неоднократно высказывался против его ликвидации. В разгар Гражданской войны он заявил: «Моя главнейшая задача в этой борьбе – спасти Союз, а не спасти или уничтожить рабство. Если бы я мог спасти Союз, не освобождая ни одного раба, я бы сделал это, и, если бы мне для его спасения пришлось освободить всех рабов, я бы тоже сделал это».

Южные штаты хотели распространить систему рабовладения на колонизируемые западные земли, тогда у них было бы большинство в конгрессе, что и старались предотвратить северные штаты путем военных действий. Север рассчитывал на быструю победу, но, по мере того как он увязал в войне, лозунги об отмене рабства звучали все громче, рабам из отдельных

¹¹ Конфедерация включала штаты: Алабама, Аризона, Арканзас, Виргиния, Джорджия, Кентукки, Луизиана, Миссисипи, Миссури, Северная Каролина, Теннесси, Техас, Флорида, Южная Каролина.

южных штатов, переходившим на сторону северян, обещали свободу. Линкольн рассчитывал на восстание рабов в тылу врага, надеясь таким образом склонить чашу весов в свою пользу.

В «Хижине дяди Тома» отражена эта амбивалентная позиция северян. Проигравший состояние на бирже мистер Шелби из штата Кентукки продает работорговцу Гейли домашнюю рабыню красавицу Элизу и ее сына. Элиза случайно подслушивает разговор о ее продаже и решает бежать на Север, благо до границы свободного штата Огайо недалеко. С риском для жизни она перебирается в Огайо, но оказывается, что там, в штате, где рабовладение вне закона, недавно принят закон, запрещающий помогать беглым рабам из других штатов. Значит, Элизе придется добираться до Канады, только там настоящая свобода.

* * *

Рабовладельческий Юг был разным. Он делился на Верхний (Upper South) и Нижний, или Глубокий, Юг (Lower, или Deep South). Верхний Юг – это относительно северные штаты Мэриленд, Делавэр, Кентукки, где живет мистер Шелби, и Вашингтон, округ Колумбия. Глубокий Юг – это Южная Каролина, Алабама, Луизиана, Миссисипи, Джорджия, Теннесси и др.

Самая страшная угроза для раба с Верхнего Юга – быть проданным на Нижний, где ему предстояло работать на сахарных, хлопковых, табачных или рисовых плантациях. Если вам мало описания ужасов жизни чернокожих рабов на плантациях в «Хижине дяди Тома», загляните в «Квартеронку» (1856) Майна Рида или посмотрите «Джанго освобожденный» (2012) Квентина Тарантино.

Продажи на Юг боятся все герои «Хижин дяди Тома». Муж Элизы – молодой мулат Джордж Гаррис, раб из соседнего поместья, работал на фабрике мешков, где «изобрел машину для трепания конопли, что, принимая во внимание отсутствие технической выучки у изобретателя, свидетельствовало о его большом таланте». Его хозяину не нравится, что он женат на Элизе, которая принадлежит либеральному и сердобольному Шелби, а тот не хочет знаться с жестоким рабовладельцем. Поэтому хозяин приказывает Джорджу взять в жены рабыню из своих, перебраться в ее хижину, а если Джордж не согласится, то грозит отправить его на Нижний Юг. Джордж бежит. Элиза с ребенком решается на побег по этой же причине: Гейли покупает ее, чтобы продать на Нижний Юг, да еще и разлучить с сыном. Черный раб «с детских лет трепещет при одной только мысли: „Тебя продадут на Юг!“ В его глазах это самое страшное наказание – страшнее порки, страшнее каких угодно пыток».

Продажи на Глубокий Юг старается избежать и беглый негр Джим в романе Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна» (1884): почти все приключения Гека связаны с тем, что ему и Джиму нужно обязательно попасть на Север. Гекльберри клятвенно пообещал, что не выдаст Джима: «Сказал, что не выдам, и не выдам. Честное индейское. Пусть меня назовут последним аболиционистом, пусть презирают – мне без разницы». Слово «абolicionист» (от английского abolish – «устранять, прекращать»), которым называли сторонников отмены рабства, как видно, было ругательным в родном штате Гека – Миссури.

Продажа раба на Глубокий Юг – это что-то не совсем приличное даже для рабовладельцев из южных штатов. Старик Энгус, герой романа Маргарет Митчелл «Унесенные ветром» (1936), действие которого происходит в Джорджии во время и после Гражданской войны, «за всю жизнь не отпустил еще на волю ни одного раба и совершил неслыханное нарушение приличий, продав часть своих негров заезжим работорговцам, направлявшимся на сахарные плантации Луизианы».

Почему рабов продавали с Севера на Юг? Юджин Дженовезе, автор книги «Политическая экономия рабства» (1965), объясняет это так: на Севере бурно развивалась промышленность, где рабы были малопригодны. Даже их использование в более интенсивном сельском

хозяйстве Севера было бессмысленным. Кое-какую выгоду от рабского труда можно было получить лишь на больших плантациях Юга, да и то не везде.

* * *

Вопросы, насколько эффективен был труд рабов и прибыльны плантации, где использовался их труд, отмерло бы рабство без войны само по себе и когда, до сих пор вызывают дискуссии. Согласно расчетам Альфреда Конрада и Джона Мейера, авторов знаменитой статьи «Экономика рабства на предвоенном Юге» (1958), инвестиции в рабов были вполне рентабельными. Они оценивают их доходность в 2,2–13 %, а на более плодородных землях – и того выше.

Такого же мнения придерживаются Роберт Фогель и Стэнли Энгерман в работе «Время на кресте: экономика американского рабовладения» (1974). Однако книга, в которой утверждалось, что рабовладельческие хозяйства были эффективны, так как рабы приняли протестантскую трудовую этику и работали на совесть почти без кнута, не выдержала критики. В ней было найдено множество ошибок.

Мне первой бросилась в глаза такая: авторы считают, что рабы потребляли 90 % произведенного продукта, и при этом утверждают, что плантаторские хозяйства имели высокую рентабельность, а экономика Юга быстро развивалась. Начиная с 1840-х годов и до начала Гражданской войны она действительно росла, и неплохо, в основном благодаря тому, что хлопок с Юга США был очень востребован в Англии и цены на него ползли вверх. Бытовало даже выражение «хлопок правит миром». В тот период вывоз хлопка составлял около 50 % всего экспорта США. Однако никакое производство, даже самое трудоемкое, не может быть рентабельным, если рабочая сила потребляет девять десятых произведенного, ведь есть еще инвестиции в покупку земли, строения и инвентарь, затраты на расходные материалы и пр. При таком раскладе экономика не может успешно развиваться.

Роберт Фогель, однако, в 1993 году получил за эту и другие работы Нобелевскую премию. Не столько, впрочем, за выводы, сколько за развитие клиометрики – междисциплинарного научного направления, связанного с применением экономической теории и эконометрических методов и моделей в исследованиях по экономической истории.

Другие исследователи выражают сомнение в том, что покупка рабов была выгодной инвестицией. Как заметил Макс Вебер в книге «Хозяйство и общество» (1922), иррациональность использования рабского труда состояла в том, что нельзя было менять количество рабочей силы в соответствии с колебаниями бизнес-цикла, капитальные затраты были гораздо выше, чем при использовании наемного труда, а источники дешевой рабочей силы иссякали быстро. Мысли Вебера созвучен аргумент Дженовезе: рабы были инвестициями, их покупка по своему экономическому смыслу – вложением в основные фонды¹². Их нужно было окупать, а перевести раба на другую работу в случае необходимости было трудно: он не справился бы.

Вспомните героя рассказа Варлама Шаламова «Термометр Гришки Логуна» (1966): его рука, которая привыкла держать древко лопаты на золотом руднике, не разгибалась потом, когда заключенного в ГУЛАГе вызвали к малограмотному начальнику, чтобы составить от его имени письмо. Герой еле выводил буквы, и то только обмотав ручку тряпкой, чтобы она была такой же толстой, как черенок лопаты.

¹² Очень интересная статистика, показывающая, какова была доля рабов в совокупном капитале Юга, приведена Тома Пикетти в его нашумевшей книге «Капитал в XXI веке» (2013) (см. рис. 4.11 данной книги). Согласно его расчетам, в 1770–1810 гг. совокупный капитал Британии чуть-чуть не дотягивал до 700 % ВВП, в северных штатах США составлял чуть более 300 % ВВП, а в южных – 600 %, при этом в северных штатах рабы занимали ничтожную долю в капитале, тогда как в южных – около 40 %. Если рабов вычесть, то капитал Юга составит 345 % ВВП – чуть больше, чем на Севере.

Негритянка, работавшая на плантациях, не могла стать оператором ткацкого станка. За пределами сельского хозяйства труд рабов в основном использовался в угольных шахтах и на лесопилках в Южной Каролине, на металлургических заводах Ричмонда, рабы построили железные дороги Юга. Рабы, способные работать на табачных и текстильных фабриках и в металлургии, были белой костью и имели множество привилегий. В «Хижине дяди Тома» рабы на Верхнем Юге либо трудятся на мануфактурах, как Джордж Гаррис, либо задействованы в домашнем хозяйстве в качестве прислуги, либо, например, хотят устроиться поваром в кафе.

По мнению Дженовезе, рабовладение консервировало отсталость Юга. Города, за исключением портовых, не росли. На Юге доля городского населения не превышала 10 %. Промышленность не развивалась, почти все промышленные товары, в частности одежду и обувь для рабов, плантаторы Юга покупали на северных мануфактурах или производили в своем хозяйстве.

«И шла ли она, шурша платьем, по дому, наблюдая за уборкой, заглядывала ли в кухню или в мастерскую, где шилась одежда для негров, занятых на полевых работах, на пальце у нее всегда блестел золотой наперсток, а по пятам за ней следовала девочка-негритянка, на которую была возложена обязанность носить за хозяйкой шкатулку розового дерева со швейными принадлежностями и выдергивать из готового шитья наметку», – вспоминает свою мать Скарлетт О'Хара, главная героиня «Унесенных ветром».

Ретт Батлер, возлюбленный Скарлетт, мегауспешный предприниматель и, как мы сказали бы сегодня, местный олигарх, очень адекватно оценивает перспективы победы Юга в войне с Севером, основываясь на том, что исход затяжной войны уже в XIX веке решала экономика воюющих сторон. «Задумывался ли кто-нибудь из вас, джентльмены, над тем, что к югу от железнодорожной линии Мэйсон – Диксон¹³ нет ни одного оружейного завода? Или над тем, как вообще мало литейных заводов на Юге? Так же, как и ткацких фабрик, и шерстопрядильных, и кожевенных предприятий? Задумывались вы над тем, что у нас нет ни одного военного корабля и что флот янки может заблокировать наши гавани за одну неделю, после чего мы не сможем продать за океан ни единого тюка хлопка?» – обращается он к глуповатым местным патриотам, уверенным в победе южных штатов.

В целом аргументы против высокой эффективности рабского труда на Юге США таковы. Рабы на плантациях работали примерно вдвое хуже, чем наемные белые¹⁴. Частью потому, что иногда они и на работе были закованы в кандалы. Частью потому, что у них не было мотивов для повышения выработки – только плетка. Затраты на «мониторинг» рабов были высоки. Изрядные суммы, которые платились за рабов, были рискованными инвестициями. Рабыня, купленная, чтобы нарожать детей, могла оказаться бесплодной или умереть при первых родах. С виду здоровый и выносливый раб на поверку мог оказаться хилым или заболеть.

Правда, на крупных плантациях должен был действовать закон больших чисел.

Точка зрения, с которой склонны согласиться Конрад и Мейер: на Глубоком Юге США, где земли плодородные, на плантациях производили хлопок, сахар и табак, а Старый Юг (Old South), немного отличающийся от Верхнего, – Виргиния, Мэриленд, Северная Каролина и Джорджия, – где земля была истощена гораздо раньше, производил рабочую силу, рабов, которых экспортировали в «более южные» штаты. Согласно данным Винфилда Коллинза, представленным в книге «Внутренняя торговля рабами Южных штатов» (1904), в 1850–1860-х годах

¹³ Линия Мэйсона – Диксона (Mason-Dixon Line) – граница, проведенная в 1763–1767 годах английскими землемерами Чарлзом Мэйсоном и Джеремайей Диксоном для разрешения длившегося почти век территориального спора между британскими колониями в Америке – Пенсильванией и Мэрилендом. Линия определила границы современных американских штатов Пенсильвания, Мэриленд, Делавэр и Западная Виргиния. До Гражданской войны линия Мэйсона – Диксона служила символической границей между штатами Севера и Юга.

¹⁴ Эта статистика соответствует замерам производительности труда узников концентрационных лагерей Германии, которая тоже была примерно вдвое ниже, чем у свободных рабочих.

штаты – экспортеры рабов продали на Глубокий Юг 207 тыс. человек. Да, рабы нуждались в воспроизводстве в США, после того как импорт иссяк.

Владение рабами и использование их труда на плантациях считалось не такой позорной деятельностью, как торговля рабами и выращивание их на продажу. Среди торговцев самыми нерукопожатными были те, которые разлучали семьи. В «Хижине дяди Тома» Гейли этим занимается сплошь и рядом.

Конрад и Мейер рассчитали, что доходность инвестиций в рабов женского пола была выше. Они связывают это с репутационными рисками: женщин покупали в основном для воспроизводства рабов, и нужна была дополнительная компенсация за потерю репутации их владельцем.

* * *

Посмотрим, каковы цены на рабов в «Хижине дяди Тома». Гейли готов дорого дать за очень привлекательную внешне Элизу: «У меня на глазах по тысяче долларов платили за женщин, которые вашей в подметки не годились». Когда речь заходит о том, что ребенок будет разлучен с матерью, Гейли заверяет, что у него так поставлено дело, что разлука будет безболезненной. И пускается в воспоминания о другой сделке, которой он был свидетелем: «Покупатель брал только одну мать, без ребенка, а она горячая была, настоящий порох. Вцепилась в своего малыша, несет невесть что, бьется. Даже вспомнить страшно! В конце концов мальчишку отняли... Ну тут она вовсе рехнулась, а через неделю померла. Тысяча долларов – брошенные деньги...»

Когда Гейли пускается в погоню за Элизой и нанимает двух головорезов для ее поимки, он говорит им о беглянке: «Красивая, цвет кожи светлый, хорошего воспитания. Я бы за нее ни восьмисот, ни тысячи долларов не пожалел – и то бы неплохо на ней заработал». Рыночная цена на Элизу выше. Те, кто за ней гонится, собираются сами отвезти ее в Новый Орлеан на рынок и продать за «тысячу шестьсот – тысячу восемьсот долларов».

Вместе с Элизой продан и дядюшка Том. Его тоже купил Гейли, который теперь везет раба на Юг для продажи. Однако покупатель нашелся на самом корабле. Том приглянулся девочке Еве – дочери некоего мистера Сен-Клера, обходившегося со своими рабами очень благородно. Дочь в него. Когда Сен-Клер спрашивает, зачем ей Том – «играть с ним, как с погремушкой, или скакать на нем, как на деревянной лошадке?», – Ева отвечает: «Я хочу, чтобы ему хорошо жилось».

Гейли уверяет, что если назначить 1300 долларов, то он «на этом негре» ничего не заработает. Ведь Том – «выдающийся негр»: «Грудь колесом, сильный как лошадь. А лоб какой высокий! По такому лбу сразу видно, что негр смысленый... Да если б такому молодцу бог ума не дал, он и то стоил бы больших денег. А Том, ко всем своим прочим достоинствам, умнейшая голова... он... управлял у своего хозяина именем. У него сметки на все хватит». Молодой джентльмен протянул работоторговцу пачку денег: «Получите и пересчитайте». Через минуту купчая на Тома была готова.

Недолго длится вольготная жизнь Тома. Ева умирает от чахотки, а вскоре внезапно уходит из жизни и сам Сен-Клер. Наследники продают Тома с аукциона. Плантатор Легри выкладывает за Тома 1200 долларов и объясняет ему: «Ты теперь мой, и душой и телом!», – а чтобы было понятнее, изо всех сил ударяет Тома сапогом. И Том снова отправляется на Юг.

На сахарной плантации, принадлежащей Легри, Том знакомится с рабыней Касси. В молодости она была необыкновенно хороша, и один молодой человек выложил за нее две тысячи долларов. С годами цена падает. Касси с подругой удаётся бежать, и Легри сетует: «Двух женщин у меня как не бывало, а им цена каждой по восемьсот, по тысяче долларов».

Раб-ребенок, если он чуть-чуть подросток, тоже стоит денег. Вот Гейли пытается сбыть с рук десятилетнего мальчика, разлучив его с матерью. Покупатель уверен, что больше 10 долларов за него не запросят, но Гейли не согласен: в таком случае он оставит ребенка себе, потому что «через полгода цена ему будет сто долларов, а через год-другой и все двести. Так что сейчас не меньше пятидесяти». Сходятся на 45.

Чтобы перевести цены в современные, нужно умножить на 30. Получается, что тысяча-полторы за красивую рабыню – это 30–45 тыс. нынешних долларов. Том был продан Сен-Клеру за 39 тысяч, а при продаже на аукционе после его смерти за Тома выручили 36 тыс. Ребенка можно было бы купить за 3–6 тыс. долларов.

В научных источниках¹⁵ приводятся такие цены на молодых и сильных рабов мужского пола без квалификации на аукционах в штате Джорджия – самом большом рынке: в 1828 году – 700 долларов, в 1835-м – 900, в 1837-м – 1300, затем постепенное падение до 600 долларов в 1844 году и плавный рост – до 1050 в 1851-м, 1200 – в 1853-м, 1650 – в 1859-м и 1800 – в 1860-м. Установлено, что цены на рабов зависели в основном от двух факторов – цен на хлопок и производительности труда. Падение цен на рабов начиная с 1837 года объясняется мировым кризисом и дешевеющим хлопком. С ростом эффективности производства связывают резкий рост цен на рабов с 1840-х годов: производительность труда росла в связи с концентрацией производства в крупных, более эффективных хозяйствах, кроме того, полагают, что рабы, рожденные в США, были более производительны.

Действие «Хижина дяди Тома» происходит в начале 1850-х, когда средний раб-мужчина ценился чуть выше 1000 долларов. Сильный, работающий, смелый и грамотный Том не намного дороже. Наверняка из-за скидки за возраст. Ожидаемый срок жизни черного раба на Юге в то время был около 35 лет (свободного черного в Северных штатах – лет на пять больше), а Том уже в годах – у него седая голова.

А как объяснить отнюдь не символические цены на грудного ребенка? Согласно Конраду и Мейеру, ребенок начинал работать с шести лет, мальчик окупал себя на операционном уровне, то есть без учета инвестиций в его покупку или «выращивание», к девяти годам, девочки выходили на самоокупаемость в 13 лет.

* * *

Увы, формальная отмена рабства не принесла рабам благополучия. В России освобождение крестьян в ходе реформы 1861 года хотя бы сопровождалось выделением им земельных наделов, пусть и выкупаемых в кредит. В США бывшие рабы в основном вынуждены были наниматься на те же самые плантации за сущие гроши. К тому же экономика Юга была подорвана войной: производство хлопка в довоенных масштабах восстановилось только к концу 1870-х.

Карл Маркс в «Экономических рукописях 1857–1861 годов» (которые иногда называют первоначальным вариантом «Капитала») комментирует письмо плантатора с Ямайки, где отметили рабство, опубликованное в ноябре 1857 года в газете *The Times*. Плантатор предлагает рабство вернуть: бывшие рабы теперь производят только минимум, который им необходим для выживания; настоящей роскошью они считают ничегонеделание; им наплевать на сахар, на капитал, инвестированный в плантации; за банкротством плантаторов они наблюдают со злобной ухмылкой.

Маркс пишет: «Они перестали быть рабами, но не для того, чтобы стать наемными рабочими, а для того, чтобы стать независимыми фермерами, работающими на собственное потреб-

¹⁵ Phillips U. *The Economic Cost of Slaveholding in the Cotton Belt* // *Political Science Quarterly*. 1905. V. 20. № 2.

ление». Капитал может существовать «только на основе прямого принуждения к труду – рабства или косвенного – работы по найму».

На Юге США косвенное принуждение не заставило себя ждать. Жизнь бывших рабов лучше не стала. Скорее это было моральное освобождение. Ведь и свободные наемные рабочие вели нищенское существование.

В рассказе Фолкнера «Уош» (1934), действие которого происходит на плантаторском Юге США перед, во время и после Гражданской войны, белый работник по имени Уош Джонс пришел на плантацию полковника Сатпена, и тот позволил ему поселиться на своей земле в рыбацьем домике, который он построил когда-то в болотистой низине у реки и который «с тех пор, заброшенный, совсем обветшал и стал похож на дряхлое животное, из последних сил притащившееся к воде, чтобы, напившись, издохнуть». Рабы смеются на Уошем («Да и ничего у тебя нет, одна только развалюха у реки, в ней полковник даже никого из нас жить не пустил») и называют его белой голытьбой (white trash).

В «Унесенных ветром» один из братьев О'Хара, Джералд, описывает южан как людей, для которых характерно презрение к «белой рвани» – к белым беднякам, не сумевшим выбиться в люди.

Нередко участь наемного белого работника на плантациях Юга была печальнее участи раба. Его хозяин должен был кормить, лечить и содержать, когда тот уже не мог работать, а наемный работник должен был кормиться и лечиться сам, тяжелая болезнь при полном отсутствии соцзащиты вела к катастрофе.

Отмена рабства привела к постепенному дроблению крупных хозяйств. Механизация производства, в частности появление трактора¹⁶, вызвала обнищание и мелких плантаторов: для рентабельного производства участки снова должны были быть крупными.

Трагическая участь мелких белых плантаторов – сюжет романа «Табачная дорога» Эрскина Колдуэлла (1932). Автор родился в семье «бедных белых» из штата Джорджия и не понаслышке знал об их жизни. Как видно из названия романа, действие происходит в местах, где раньше выращивали табак. Семьдесят пять лет назад по табачной дороге катили громадные бочки, в которые укладывался лист табака после сушки и выдержки в глинобитной сушильне. Глава семьи Джиттер Лестер потерял надел из-за просрочки закладной, теперь участок вынужден арендовать, мула тоже, под посевной фонд занимать, а банк дает деньги не меньше чем под 3 % в месяц. В итоге Лестер остается должен, даже если трудится день и ночь. Приходит следующая весна, но она не дает надежды: «Время весенней пахоты миновало, а поле так и не засеяно».

¹⁶ Паровой трактор был изобретен в 1832 году, а работающий на нефтепродуктах – в 1892-м.

Глава четвертая

«Когда муж умирает, жене положено освободить родовое поместье»

Майорат в европейской литературе XIX века

«Старший брат человека – его исконный враг» – таково мнение одного из героев романа Уильяма Теккерея «Виргинцы» (1857–1859). «Пусть меня повесят, если есть в Англии хоть один человек, который желает долгой жизни своему старшему брату», – поддакивает ему другой герой. Во второй половине XVIII века, когда происходит действие романа, в Англии (и в большинстве стран Европы) практиковался майорат (unigeniture) – принцип наследования, по которому все земельная собственность (у знати еще и титул) достается одному человеку. По самой распространенной схеме майората имение переходило старшему наследнику (primogeniture), причем по мужской линии. При этом не только исключалось наследование поместья младшими братьями, но и отдавалось предпочтение наследникам мужского пола по непрямой линии (дядьям, двоюродным братьям и племянникам) перед дочерьми. Как правило, наследниками не могли стать ни внуки мужского пола от дочерей, ни племянники по линии сестер.

Когда в 1328 году умер король Франции Карл IV Красивый, оставивший только дочерей, ближайшим родственником мужского пола был его племянник Эдуард III, сын сестры. Но Эдуард был английским королем, и французская знать приняла закон, согласно которому, будучи сыном сестры, наследовать престол он не мог. Трон перешел к двоюродному брату Карла IV, сыну младшего брата его отца, он стал королем Филиппом VI (и родоначальником династии Валуа). Эдуард не смирился с этим, и началась Столетняя война.

В Англии система майората сформировалась в XIII веке. Английское общее право насаждало ее гораздо строже, чем континентальное. Майорат был узаконен: вплоть до XVII века он был обязателен почти повсеместно. Неудивительно, что больше всего упоминаний о майорате мы находим именно в английской литературе. Во многих произведениях он движет сюжетом.

Родон Кроули, герой романа Теккерея «Ярмарка тщеславия» (1847–1848), действие которого происходит во время Наполеоновских войн, может рассчитывать только на наследство своей тетушки, потому что он младший сын Питера Кроули. А когда тетушка отворачивается от него из-за женитьбы на ее гувернантке, Родон остается ни с чем.

Потеря благосостояния угрожает пяти дочерям мистера и миссис Беннет – героям романа Джейн Остин «Гордость и предубеждение» (1813). За неимением сыновей поместье должно перейти к кузену мистера Беннета – мистеру Коллинзу. «...Который после моей смерти сможет вышвырнуть вас из этого дома, как только ему заблагорассудится», – говорит отец своим дочерям. «Можно ли совершить что-нибудь более несправедливое, чем выгнать из принадлежавшего вам имения собственных ваших детей? Будь я на вашем месте, я бы, конечно, уже давно постаралась что-нибудь предпринять», – сокрушается миссис Беннет. Ее дочери Джейн и Элизабет «попытались объяснить матери сущность закона о майорате. <...> Но предмет этот выходил за пределы ее разума, и она продолжала горько сетовать на жестокость законов, отнимающих дом у семьи с пятью дочерьми в пользу человека, до которого никому нет ни малейшего дела».

Вынуждена покинуть родовое поместье и леди Димейн, мать сэра Артура – героя романа Генри Джеймса «Осада Лондона» (1883). «В этой стране, когда муж умирает, жене положено освободить родовое поместье», – говорит возлюбленная ее сына, желающая выйти за него

замуж. Она не нравится матери сэра Артура и делает ставку на то, что мать будет вынуждена уехать в собственный дом и не сможет влиять на выбор сына, не проживая с ним.

К младшим братьям и дочерям могло перейти движимое имущество, они могли получить право проживания в доме до самой смерти, частичную компенсацию, пожизненные платежи от владельца майората (имения, не подлежащего разделу), но не землю.

Например, в новелле Гофмана «Майорат» (1817) владелец майората барон Родерих фон Р. «дозволил поселиться в имении и получать там содержание двум старым незамужним сестрам своего отца, скудно обеспеченным и жившим в нужде». Когда он умер и имение перешло к его старшему сыну Вольфгангу, тот прибыл в фамильный замок первым. Старый дворецкий показал, где были спрятаны деньги – 150 тыс. талеров, – скопленные из доходов майората. Несколько позже появился младший брат Вольфганга Губерт – он прознал о находке и потребовал половину, утверждая, что «деньги эти не принадлежат к майорату, а должны быть признаны свободным имуществом». Деньги все же остались в распоряжении старшего брата, но он уступил младшему свою часть другого наследственного имения, в Курляндии (нынешняя Латвия), которое подлежало разделу. А в ответ услышал: «Как милостиво владелец майората бросает золотые бедному нищему!»

Новелла немецкого романтика Ахима фон Арнима «Майорат» (1820) начинается с описания майорат-хауса господ фон ***, «одного из благороднейших семейств Европы», в городе ***, владельцы которого живут за границей: «Уже лет тридцать как он был необитаем, но мебель и посуда хранились бережно и строго <...> каждый год на нужды дома поступала определенная сумма, привозились новые скатерти, и столовое серебро, и картины, и прочие разности, необходимые для поддержания статуса... пополнялись запасы драгоценных вин в подвалах. Дворецкий... заводил ежедневно часы во всех без исключения комнатах, кормил надлежащее количество кошек... и раздавал по воскресеньям беднякам во дворе надлежащее количество пфеннигов. Среди нищих этих с легкостью могли бы, когда б не стыдились того сами, сыскаться и родственники хозяев, поскольку при основании майората о младших ветвях родословного древа предпочли не вспоминать».

* * *

Майорат был введен для того, чтобы сохранить крупные владения рода неделимыми. Передача ресурсов семьи по наследству в одни руки повышала вероятность выживаемости хотя бы одной линии рода. Если говорить не о знатных родах, для которых майорат был способом сохранения социального статуса, а о нетитулованном мелкопоместном дворянстве, то система майората была распространена там, где экономическое благополучие семьи зависело от наличия и размера земельного надела и где земля была в дефиците. Майорат обычно возникал там, где земли были плотнее заселены. Например, эмигранты в Новой Англии в первом поколении гораздо чаще делили свои земельные наделы между наследниками, нежели в третьем, когда вся пригодная для сельского хозяйства земля была за столблена. Майорат характерен и для Японии XVIII–XIX веков, располагавшей скудными земельными ресурсами.

Адам Смит в «Исследовании о природе и причинах богатства народов» (1776) писал: «майорат при наследовании имений возник... по тем же самым причинам, по которым он существовал при наследовании монархии... Чтобы сила и, соответственно, безопасность монархии не уменьшалась разделом царства, оно должно было переходить к одному из детей».

В регионах, где недвижимое и движимое имущество были примерно одинаково значимы, предпочтение отдавалось более равному дележу.

В XVI–XVII веках в ряде районов Германии (Вестфалия, Нижняя Силезия и Шлезвиг-Гольштейн) была распространена передача наследства младшему сыну (ultimogeniture), а в отсутствие сыновей – старшей дочери. Право получить наследство увязывалось с обязанно-

стью остаться в доме и следить за престарелыми родителями. В этих областях имелась развитая текстильная промышленность, и социальный лифт существовал как раз для ремесленника, который мог выбиться в купцы, а не для фермера, так что наделение землей было не столь важно. Кроме того, налоги на наследство достигали 50 % от его стоимости, и передача земли младшему наследнику позволяла отстрочить уплату этого налога и минимизировать размеры выплат в течение нескольких поколений.

Предпочтение наследников мужского пола, возможно, связано с отсутствием равноправия женщин: существовала вероятность, что наследство женщины де факто перейдет к ее мужу и послужит укреплению другого рода. Выбор в качестве наследника старшего сына позволял раньше определиться с правами наследования, что повышало вероятность успешного брака. То, что первенец – старший сын, известно сразу после его рождения. Его можно начать рано выводить в свет как богатого жениха, чтобы подыскать ему достойную пару. У него раньше появятся дети, и род продолжится раньше. А вот кто является самым младшим сыном, становится известно только после смерти главы рода, потому что он может овдоветь, жениться на молоденькой и обзавестись еще одним наследником даже в преклонные годы.

Подобная история рассказана в «Майорате» Ахима фон Арнима: «„Но ведь однажды вы и сами чуть было не заполучили майорат“, – сказала Хоф-дама. „Да уж, – отозвался Лейтенант, – мне было тогда лет тридцать, а дядюшке моему – шестьдесят, а детей у него не было. И взбрело же ему в голову жениться еще раз, и на молоденькой. Тем лучше, подумал я, она-то его насмерть и уездит. Но обернулось к худшему; он, конечно, вскорости помер, однако жена его незадолго до этого успела-таки родить ему сына, нынешнего майоратс-герра, а я остался с носом!“»

Вскоре в город прибывает владелец майората и узнает историю своего рождения. Оказывается, отец его не хотел оставлять наследство племяннику – Лейтенанту: «... вот только что, если родится не мальчик, а девочка? все рухнет в одночасье, не так ли? Опасеньями своими он часто делился с одной совсем не глупой Хоф-дамой, и когда ребенок родился... эта самая Хоф-дама и вручила батюшке... мальчика, которого сама за неделю до того как раз и родила». А только что появившуюся на свет дочь отдали в чужие руки. Назвали ее Эстер.

Майоратс-герр кончает с собой, и, поскольку он бездетен, наследство снова переходит к племяннику его отца, Лейтенанту, который женится на Хоф-даме. А та обзаводится огромной сворой собак, которые живут прямо в доме. Хозяйка только смеется «над милою выходкой двух псов, вытерших грязные лапы о большой, на камчатной скатерти, герб майората».

Как понятно из рассказа Гофмана, в германских землях учреждение майората могло быть фамильным делом, а не требованием законодательства. Барон Родерих фон Р., владелец родового замка Р...зитен недалеко от берега Балтийского моря, устанавливает майорат, чтобы «на будущее привязать главу семьи к наследственному имени». Владетельный государь весьма охотно утверждает этот порядок, «ибо таким образом отечество приобретало богатую рыцарскими добродетелями фамилию, ветви которой уже укоренились в чужих землях». После учреждения майората изменить свою волю его учредитель уже не может.

* * *

У Шекспира в «Короле Лире» (1606) действие происходит в IX веке. Старый король, имеющий трех дочерей, решает разделить свое королевство между ними поровну, но сначала хочет услышать от них рассказ о том, как они его любят. Младшая отказывается ему льстить, и королевство достается двум старшим. Лир оставляет себе свиту из ста человек и решает жить по месяцу у каждой. Дробление королевства и передача власти до добра не доводят. Обе облагодетельствованные дочери начинают помывать отцом. У старшей, Гонерильи, к которой Лир приезжает первым, слуги с ним грубы, дочь требует, чтобы он распустил половину свиты. Лир

посылает гонца к средней дочери, Регане, а та надевает на посыльного колодки. Дочери входят в раж и, сговорившись, требуют от Лира совсем отказаться от свиты. Лир полностью подавлен и сходит с ума. Младшая дочь, Корделия, бросающаяся с войском своего мужа на помощь отцу, захвачена в плен и умерщвлена в тюрьме. Старшая и средняя, до которых, впрочем, Лиру уже дела нет, тоже погибают, не поделив мужчину: одна травит другую ядом, после чего кончает с собой. Мир рушится. Душевные пристрастия или династические соображения – основная дилемма пьесы Шекспира. Вот до чего довел страну отказ от принципа майората – так можно трактовать экономический смысл «Короля Лира».

Против раздела королевства выступал лишь верный лиру граф Кент: «Не отдавай престола. Подави / свою горячность». Кент – говорящая фамилия. Не только в географическом смысле (граф Кент, разумеется, из графства Кент), но и в экономическом: Кент – одна из немногих частей Англии, в которой во время написания пьесы практиковалось равное деление имения между наследниками. Кент должен быть глашатаем принципа эгалитаризма, и раз уж даже он выступил против деления королевства, то хорошего действительно не жди.

Еще один аргумент Шекспира в защиту майората – отсутствие прямой зависимости между тем, кому досталось наследство, и поведением наследников. Младшенькая предана отцу, хотя она была обделена, и наоборот. Впрочем, ответ на вопрос, кто здесь был обделен, неоднозначен. Если бы Лир придерживался принципа майората, то он отдал бы все старшей дочери, так что младшая осталась при своем, а обделена была старшая, которая разделила наследство со средней. Во время действия пьесы система майората еще не устоялась, но даже после ее введения для королевской семьи было сделано исключение: в отсутствие сыновей у короля трон наследует старшая дочь, а не племянник. Во времена Шекспира в графстве Кент вовсю шли дебаты о плюсах и минуса майората, и «Король Лир» – отклик на актуальную политическую и экономическую дискуссию своего времени¹⁷.

* * *

Майорат порождает конфликт не только между поколениями – отцами и детьми, но и внутри одного поколения – между старшим и младшим сыном, формировал своего рода классовую систему внутри семьи. Лейтенант, несостоявшийся наследник майората из новеллы фон Арнима, рассказывает о «совершенно кошачьих» законах, царивших в его большой семье: «Первенца кормят, холят и лелеют, а младших его братишек и сестреночек суют в помойное ведро головою вниз, и все дела».

Конфликтуют старший и младший братья в комедии Шекспира «Как вам это понравится», где майорат – экономическая предпосылка развития сюжета. Действие происходит во французском герцогстве. Умирает Роланд де Буа. Наследство распределено между тремя сыновьями примерно как в сказке «Кот в сапогах». Почти все отписано старшему, Оливеру, с поручением позаботиться о двух других – Жаке и Орландо, в том числе дать им образование, приличествующее их знатному статусу. Младший Орландо получает – согласно бумагам – «какие-то жалкие тысячу крон» собственных денег, но и те остаются в распоряжении старшего брата. Оливер обращается с Орландо как со слугой. Жака он хотя бы отправляет в школу, а младший сидит дома, ужинает за одним столом с челядью, в него вкладывают «меньше, чем в лошадь», которую хотя бы объезжают, нанимая наездников.

Как только Орландо начинает высказывать претензии, старший брат прерывает его: «А знаете ли вы, перед кем вы стоите?» В ответной сентенции младшего – конфликт пьесы: «Я

¹⁷ Такую трактовку социального смысла пьесы предложил Рональд Кули в статье «Кент и майорат в „Короле Лире“» (Cooley R. W. *Kent and Primogeniture in «King Lear»* // *Studies in English Literature, 1500–1900*. 2008. V. 48. № 2. P. 327–348).

знаю, что вы мой старший брат, и в силу кровной связи и вам бы следовало признавать меня братом. Обычай народов дает вам передо мной преимущество, так как вы перворожденный; но этот же обычай не может отнять моей крови, хотя бы двадцать братьев стояли между нами! Во мне столько же отцовского, сколько и в вас, хотя, надо сказать правду, вы явились на свет раньше меня, и это даст вам возможность раньше добиться того уважения, на которое имел право наш отец». Орlando решает уйти из дому, а Оливер думает, как сберечь тысячу золотых, а заодно и проучить брата, которого «всей душой», сам не зная почему, ненавидит «больше всего на свете». Он решает натравить на него Шарля, придворного борца герцога, рассчитывая, что тот убьет Орlando.

В «Майорате» Гофмана между Вольфгангом и Губертом «смертельный раздор», и младший, с тех пор как стало известно об учреждении майората, преследует старшего «смертельной ненавистью», «завидует имению». Когда старший погибает, младший восклицает: «Я желал смерти брата моего, ибо отец, безрассудно учредив майорат, оставил ему в наследство лучшую часть». Такая же вражда между сыновьями самого Губерта. Старший брат, всего двенадцати лет от роду, уже называет младшего «бедным жалким прихлебателем» и обещает, что после смерти отца, когда он сделается владельцем Р...зиттенского майората, младший будет принужден целовать ему руку, когда ему понадобятся деньги на новый сюртук. В ответ младший, «приведенный в бешенство язвительной надменностью брата», кидает в него нож и ранит чуть не насмерть.

Главные герои «Виргинцев» Теккерея братья Джордж и Гарри сосуществуют более мирно, нежели сыновья де Буа и отпрыски Губерта, хотя старший получает по майорату почти все семейное наследство. Госпожа Эсмонд «с величайшей торжественностью провозгласила своим наследником и преемником старшего сына Джорджа, а младшему, Гарри, который был моложе своего брата на полчаса, с этих пор постоянно внушалось, что он обязан его уважать».

Сердце матери не могло смириться с тем, что одному – имение, другому – «чашка чечевичной похлебки». Да и в том, что старший сын будет обходиться с младшим достойно, у нее уверенности не было, потому что старший был «непокорным сыном». «Вдова принялась упорно копить деньги для обездоленного младшего сына, как повелевал ей материнский долг»: приостановилось строительство дворца, начатое ее покойным мужем, книг больше не покупали, лондонскому агенту было приказано прекратить поставку вина. «Госпожа Эсмонд глубоко сожалела о деньгах, истраченных на ее прекрасную английскую карету, и ездила в ней только в церковь, стеная в душе и твердя сыновьям, сидящим напротив нее: – Ах, Гарри, Гарри! Лучше б я отложила эти деньги для тебя, мой бедный обездоленный мальчик!»

А вот миссис Беннет из «Гордости и предубеждения» бережливостью не отличалась, и проблемы ее дочерей связаны не только с законом о майорате, но и с тем, что родители ничего не скопили.

Гарри положением дел совсем не озабочен, он уверен, что Джордж будет ему давать денег сколько нужно, когда его матушка умрет. Мнение Джорджа на этот счет несколько другое: «Наше поместье обширно, но доходы у нас... невелики. <...> Гарри может вернуться домой и пользоваться вместе с нами тем, что мы имеем! В конюшне для него найдется лошадь, на столе – кусок дичины, в кармане у него будут позвякивать монеты на мелкие расходы, и каждый год он получит один-два новых кафтана. Все это он будет иметь, пока моя мать жива, если, конечно, он не поссорится с госпожой Эсмонд... И, разумеется, пока я жив, он может находиться под моим кровом и пользоваться всем, что есть у меня. Однако, если я умру не бездетным, его присутствие в доме будет становиться все менее желанным». Скромный стол, кров, одежда, деньги на карманные расходы и весьма вероятная перспектива потерять и это, несмотря на то что наследство огромное. К счастью, до этого не доходит.

* * *

Майорат ушел в прошлое, как только уменьшилась важность наличия земли для экономического благополучия семьи, сократилось количество детей и женщины добились больших прав. Карл Маркс в статье «Буржуазия и контрреволюция» (1848) писал: «Революции 1648 и 1789 годов не были *английской* и *французской* революциями; это были революции *европейского* масштаба. ...*Победа буржуазии* означала тогда *победу нового общественного строя*, победу буржуазной собственности над феодальной, нации над провинциализмом, конкуренции над цеховым строем, дробления собственности над майоратом <...> буржуазного права над средневековыми привилегиями».

Правда, отголоски феодального права в Англии существовали и после революции 1648 года. Закон о майорате действовал в Великобритании вплоть до 1925 года. Он гласил: если человек умирает, не оставив завещания, то по закону его имущество наследует старший сын, в отсутствие оных – старший племянник. В последней части романа Джона Голсуорси «Сага о Форсайтах» (1906–1921), действие которого происходит в 1918 году, один из героев, Майкл Монт, придерживающийся передовых социальных взглядов, восклицает: «Я наследник майората. И я его не жажду. По мне хоть завтра отменяйте майорат».

«Майорат» фон Арнима заканчивается тем, что наступает эпоха революций и связанных с ней войн. После того как город *** окончательно попадает в руки врага, майорат упраздняют. Майорат-хаус «по милости новых властей» за бесценок выкупает для организации в нем аммиачной фабрики мачеха Эстер. Она окупает свои вложения продажей всего нескольких картин из домашней коллекции. «Так получил майорат-хаус нынешнее свое, пусть и не слишком приятное, но зато полезное в высшей степени назначение; и воцарился кредит вместо ленного права».

Родерих фон Р., последний владелец майората в гофмановской новелле, умер, не оставив наследников, и майорат, согласно уставу, по которому он был учрежден, поступил в казну и превратился в королевское присутственное место. Замок лежал в развалинах, а часть камней употребили на постройку маяка.

Глава пятая

«Тюльпаны прекраснее всех цветов...»

«Голландская болезнь» в романе Александра Дюма «Черный тюльпан»

Роман «Черный тюльпан» Александра Дюма пронизан мотивами тюльпаномании – страстной спекуляции луковицами этого цветка, охватившей голландское общество в 1634–1636 годах. Действие книги происходит в 1672-м, когда в Голландии под руководством Вильгельма III Оранского произошло восстание, но во всем, что касается тюльпанов, воспроизведен дух 1630-х: преклонение перед красивым цветком таково, что человек готов отправить соседа на эшафот, чтобы украсть у него заветную луковицу. Эти события бесследно не прошли: любовь голландцев к тюльпанам сохранилась, а страна и по сей день является их крупнейшим мировым экспортером.

Масштабы спекуляции луковицами тюльпанов меня не удивляли бы, если бы не тот факт, что они – отнюдь не золотые слитки, которым при хранении ничто не грозит. Луковицы тюльпанов могут и испортиться, и не прорасти, к тому же по луковице не всегда можно определить, каков будет цветок, что создает почву для надувательства.

Тюльпаны были завезены в Европу из Турции около 1560 года. Однако около 70 лет их разводили только специалисты – цветоводы и садовники. Цветок очаровал сначала профессионалов, а позднее и широкую публику. У тюльпанов была более яркая окраска, чем у любых других цветов, известных европейцам. Красный тюльпан был огненно-алым, а лиловый – такого насыщенного оттенка, что казался почти черным.

Специфика тюльпана как инвестиционного актива состоит в том, что новые сорта размножаются сначала очень медленно. Одна луковица ориентировочно может дать всего две на следующий год, четыре – через два года, восемь – через три и т. д. Если цветовод продает одну из двух луковиц во второй год, то лишается половины прироста и во все последующие годы. Таким образом, нужно лет десять, чтобы луковицы нового сорта тюльпанов появились на рынке в достаточном количестве. Тюльпаны могут размножаться и семенами, но в этом случае они начинают цвести только на седьмой год. Технологий, ускоряющих размножение этих цветов, в Голландии XVII века не существовало. Кроме того, редкие сорта растений – это еще и продукт длительной культивации. А огромным разнообразием тюльпанов мы обязаны вирусу, под воздействием которого цветок мутировал самым неожиданным образом и благодаря этому приобрел высокую стоимость.

В годы тюльпаномании редкие сорта тюльпанов существовали в очень небольших количествах – буквально по 10–15 луковиц каждого сорта на всю страну. Дефицит луковиц определенных сортов был таков, что за них могли просить любую цену.

* * *

Для голландца, жившего в 1630-х годах, тюльпан все еще оставался редким цветком, несущим в себе обаяние и экзотику Востока. До 1634 года луковицами торговали или обменивались только цветоводы-профессионалы. Однако постепенно цветок стал интересовать не только знатоков: оказалось, что на торговле луковицами можно зарабатывать неплохие деньги. Этому способствовал возросший спрос на тюльпаны во Франции, где цветок вошел в моду при дворе Людовика XIII. Поскольку уже тогда Париж считался законодателем стиля и элегантности, парижскую моду заимствовали и на таких окраинах Европы, как Ирландия или Литва,

где она могла отставать от парижской на 10–20 лет: популярность цветку была обеспечена на долгие годы – в той или иной части Европы.

Центром торговли стал Хаарлем (Харлем) – городок примерно в 20 км к западу от Амстердама. Тюльпанами торговали в городских тавернах, что способствовало росту количества сделок: сидеть можно было в тепле, регулярно прикладываясь к бокалу пива, и многие сделки совершались под хмельком. В помещение набивалось до 200–300 торговцев. Важно и то, что торговля тюльпанами была относительно спокойным занятием по сравнению с заморскими операциями (их риски мы объясняли в предыдущих главах).

Начать дело, если так можно назвать спекуляцию тюльпанами, было довольно просто. Нужно было иметь немного денег и знать, где расположен ближайший цветник – там могли продать луковицы.

Поначалу, когда луковицы покупали в основном знатоки, рынок торговли тюльпанами существовал только в короткий промежуток времени их цветения. Но различие между сезонами было не столь важно для чистых спекулянтов, которых не интересовала красота цветка. Они рассматривали это растение исключительно как инструмент для зарабатывания денег и покупали лишь с целью простой перепродажи. В результате этого постепенно торговля распространилась и на месяцы, когда клубни не могли сменить владельца физически – они были в земле. Поэтому при совершении сделки стали выписываться векселя, в которых указывалась дата, когда цветок будет выкопан и доставлен; платеж тоже переносился на более позднее время. Это нововведение сделало рынок луковиц круглогодичным. Выражаясь современным языком, по сути дела, был создан фьючерсный рынок с отсрочкой платежа до одного года.

Сначала луковицами торговали поштучно, но с переходом на фьючерсную торговлю возникла и торговля на вес, что связано с желанием продавцов получить большие деньги за более крупные луковицы. Даже если цена на единицу веса была фиксированной, вес клубня с момента, когда его сажали в сентябре, до июня, когда его выкапывали, увеличивался существенно. Возникла и торговля отростками, детками луковиц редких сортов. Помимо фьючерсов, возникло подобие тюльпанных акций. Так, несколько бедных торговцев в складчину могли купить доли в дорогой луковице.

Опытные цветоводы вскоре сообразили, что могут обманывать новичков, выдавая дешевые луковицы распространенных сортов за дорогие и редкие. Поэтому они с радостью принимали оплату и натурой – в виде одежды, посуды, домашней птицы и скотины, у людей побогаче брали картины. Таким образом, в этом бизнесе возник и бартерный обмен.

Свою роль в формировании пузыря сыграли и условия платежа: чем ниже задаток, тем выше могут расти цены, так как этот рост не ограничен физическим наличием денег у покупателя. В случае покупки тюльпанов задаток не требовался: покупатель вносил лишь небольшую комиссию продавцу. Так что позиции, которые на себя принимали покупатели, не ограничивались практически ничем. Как стало ясно задним числом, большинство сделок, в принципе, не могло быть закрыто: продавцы сбывали луковицы, которых у них не было или вообще еще не существовало в природе, а приобретали их покупатели, которые не смогли бы за них заплатить.

Пик мании пришелся на декабрь 1636 – январь 1637 года. Сорт *Admirael de Man*, который до начала мании можно было купить за 15 гульденов, стоил теперь 175; сорта *Bizarden* и *Ghell en Root van Leyde* выросли в цене в 10 раз – с 45 гульденов до 550; *Generalissimo* – с 95 до 900; а очень редкий и красивый цветок с сокращенным именем *Gouda* («тезка» местного сыра) – со 100 до 750. *Semper Augustus* – самый дорогой цветок, который стоил 5500 гульденов в 1633 году, то есть до начала мании, в 1637-м оценивался в 10 тыс.

Попробуем разобраться, как дороги были тюльпаны в 1637 году. Для этого можно сравнить их стоимость с общим уровнем цен тех лет. Так, средний годовой доход ремесленника в Голландии составлял 200–400 гульденов. Маленький таунхаус стоил около 300 гульденов, а натюрморт известного художника с изображением цветов можно было купить за 1000. Поз-

волить себе приобретение *Semper Augustus* могли всего несколько десятков человек во всей Голландии. На те деньги, что он стоил, простая семья могла снимать жилье, покупать еду и одежду в течение половины жизни. Примерно за такую же сумму можно было купить прекрасный особняк с садиком в центре Амстердама, на канале, что и тогда было модно. Один из памфлетистов того времени подсчитал, что за 2500 гульденов можно было купить 27 тонн пшеницы, 50 тонн ржи, 4 тонны говядины, 8 откормленных свиней, 12 откормленных овец, 2 огромные бочки вина, 4000 литров пива, 2 тонны масла, 3 тонны сыра, кровать с постельным бельем, шкаф, полный одежды, и серебряный бочонок.

* * *

Главный герой «Черного тюльпана» Корнелиус ван Берле – состоятельный молодой ученый-врач и любитель природы, который увлекается ботаникой и зоологией и может себе позволить жить в свое удовольствие. Когда ему наскучили насекомые и «крупные растения», он переключается на цветоводство: «Не зная, куда девать свое время, а главное – деньги, количество которых ужасающе увеличивалось, он выбрал среди увлечений своей страны и своей эпохи самое изысканное и самое дорогое. Он полюбил тюльпаны. Вскоре в целой округе... только и говорили о тюльпанах господина ван Берле. Его гряды, оросительные каналы, его сушильни, его коллекции луковиц приходили осматривать так же, как когда-то знаменитые римские путешественники осматривали галереи и библиотеки Александрии. Ван Берле начал с того, что истратил весь свой годовой доход на составление коллекции; затем... он вывел пять разных видов тюльпанов...»

Соседом Корнелиуса, живущим с ним «стена в стену», является некий Исаак Бокстель – завистливый и неупорядоченный тип. Он тоже страстный любитель тюльпанов: «как только он достиг вполне сознательного возраста, он стал страдать тем же влечением и при одном только слове „тюльпан“ приходил в восторженное состояние».

В отличие от Корнелиуса, Бокстель небогат и свое хобби финансирует с трудом, но к делу подходит самым тщательным образом: возделывает цветы согласно «тюльпановедческим предписаниям», знает температуру парников до одной двадцатой градуса, изучил силу ветра и утроил приспособления, защищающие от него. Результат не заставил себя ждать. Его изысканные тюльпаны стали нравиться. Наконец, Бокстель вывел новый сорт тюльпанов, дав ему свое имя. Этот тюльпан завоевал Францию, попал в Испанию и проник даже в Португалию. «Король дон Альфонс VI, изгнанный из Лиссабона и поселившийся на острове Терсейр, где он развлекался разведением тюльпанов, поглядел на вышеназванный „Бокстель“ и сказал: „Неплохо“, – иронизирует Дюма.

Финансовое превосходство Корнелиуса дает ему фору при выведении новых сортов. Он надстраивает этаж над своей мастерской, чем лишает сад Бокстеля примерно полградуса тепла и отсекает в него доступ ветра. Сначала Бокстелю это почти нравится, ведь Корнелиус не конкурент, а всего лишь чудаков-художник, который «искажает чудеса природы, воспроизводя их на полотне». Кроме того, «Бокстель установил, что избыток солнечного света вредит тюльпанам и что этот цветок растет лучше и ярче окрашивается под мягкими лучами утреннего и вечернего солнца, чем под палящим полуденным зноем». Но вдруг Бокстель обнаруживает, что «окна заново выстроенного этажа украсились луковицами, отростками их, тюльпанами в ящиках с землей, тюльпанами в горшках и, наконец, всем, что характеризует профессию маниака, разводящего тюльпаны!» «Там находились целые пачки этикеток, полки, ящички с отделениями и железные сетки, предназначенные для прикрытия этих ящичков, чтобы обеспечить постоянный доступ свежего воздуха к ним без риска, что туда проникнут мыши, жуки, долгоносики, полевые мыши и крысы, эти любопытные любители тюльпанов по две тысячи франков за луковицу». Словом, производство у Корнелиуса оказалось более передовым, чем у Бокстеля.

И последний начинает подглядывать за Корнелиусом, пользуясь лестницей. Он обнаруживает действительно более масштабное и технологичное хозяйство: «земля смешана с речным илом – комбинация, самая благоприятная для тюльпанов»; вокруг дерн, предотвращающий осыпание; «расположение грядок такое, чтобы они согревались восходящим и заходящим солнцем и оберегались от солнца полуденного», достаточный запас воды и пр.

Бокстель представляет себе, как Корнелиус, обладающий капиталом в 400 тыс. флоринов и ежегодной рентой в 10 тыс., употребит все свои способности и возможности на выращивание тюльпанов. Значит, полградуса тепла отняты не ради тюльпанов на картинах, а ради настоящих цветов. «Ван Берле будет иметь превосходное солнечное освещение и, кроме того, обширную комнату для хранения своих луковиц и отростков, светлую, чистую, с хорошей вентиляцией, – роскошь, недоступную для Бокстеля, который был вынужден пожертвовать для этого своей собственной спальней и, чтобы испарения человеческого тела не вредили растениям, заставил себя спать на чердаке».

Ван Берле действительно вскоре добивается превосходных результатов: он «достиг большого разнообразия в окраске и в форме тюльпанов и увеличил количество разновидностей». Его тюльпаны – «чудеснейшие творения, равных которым никогда никто не создавал, за исключением разве только Шекспира и Рубенса». Сам он принадлежит «к той талантливой и наивной школе, которая с седьмого века взяла своим девизом изречение: „Пренебрегать цветами – значит оскорблять Бога“. Посылка, на которой любители тюльпанов построили в 1653 году следующий силлогизм: „Пренебрегать цветами значит оскорблять Бога. Тюльпаны прекраснее всех цветов. Поэтому тот, кто пренебрегает тюльпанами, безмерно оскорбляет Бога“».

Успехи Корнелиуса таковы, что о нем всюду говорят, а Бокстель навсегда исчезает из списка известных садоводов Голландии. Вуайеризм Бокстеля доходит до того, что он покупает подзорную трубу, чтобы через забор следить «не хуже самого хозяина» за цветами Корнелиуса «с момента их прорастания, когда на первом году показывается из-под земли бледный росток, и вплоть до момента, когда начинает округляться благородный и изящный бутон, а на нем проступают неопределенные тона будущего цвета и когда затем распускаются лепестки цветка, раскрывая, наконец, тайное сокровище чашечки».

Пережить успех соперника он не может. От болезненного вуайеризма Бокстель переходит к вредительству, а затем и к настоящему предательству. Когда он замечает на грядках ван Берле тюльпаны изумительной красоты, после периода восхищения им овладевает «лиходарочная зависть» и охватывает искушение «спрыгнуть ночью в сад, переломать растения, изгрызть зубами луковицы тюльпанов и даже принести в жертву безграничному гневу самого владельца, если бы он осмелился защищать свои цветы». Останавливает его только то, что «убить тюльпан – это в глазах настоящего садовода преступление ужасающее». («Убить человека – еще куда ни шло».)

Бокстель старается разработать план преступления таким образом, чтобы виновника гибели цветов не установили. Он привязывает двух кошек друг к другу за задние лапы бечевкой в десять футов длины и бросает их со стены на середину главной гряды. «Обезумевшие от падения с высокой стены животные... заметались с диким мяуканьем во все стороны, ломая своей бечевкой цветы. После пятнадцатиминутной яростной борьбы им, наконец, удалось разорвать связывавшую их бечевку, и они исчезли».

Когда Корнелиус утром обследует сад, он находит «симметричные гряды его тюльпанов в полном беспорядке, подобно солдатам батальона, среди которого разорвалась бомба». «Пятнадцать или двадцать тюльпанов, разодранных и помятых, лежали на земле, одни согнутые, другие совсем поломанные и уже увядшие. Из их ран вытекал сок – драгоценная кровь, которую ван Берле согласился бы сохранить ценой своей собственной крови». Однако ни один из четырех знаменитых тюльпанов, на которые покушался завистник, не был поврежден. «Они

гордо поднимали прекрасные головки над трупами своих сотоварищей». Корнелиус выставляет у тюльпанов охрану в виде ночующего в сторожке садовника, и Бокстель вынужден затаиться.

Между тем его зависть усиливается тем, что общество любителей тюльпанов города Хаарлема объявило награду тому цветоводу, кто вырастит уникальный тюльпан – черный. Это задача считается неразрешимой, так как «в эту эпоху в природе не существовало даже темно-коричневых тюльпанов». Однако похоже, что премия может достаться Корнелиусу, который принялся за посевы и все необходимые работы, чтобы превратить красные тюльпаны, которые он уже культивировал, в коричневые и коричневые в темно-коричневые. «На следующий же год ван Берле вывел тюльпаны темно-коричневой окраски, и Бокстель видел их на его грядках, в то время как он сам добился лишь светло-коричневого тона».

Бокстель начинает чувствовать отвращение к цветоводству и опускает руки: у него в земле гниют луковицы, в ящиках высыхает рассада, на грядках увядают тюльпаны. Он лишь наблюдает за работой ван Берле. А тот просеивает семена, подогревает и поливает их разными жидкостями, чтобы вызвать в них изменения, и даже производит «чрезвычайно тщательные и искусные прививки». Корнелиус «прячет в темном помещении те семена, которые должны были дать черный цвет, выставляет на солнце или на свет лампы те, которые должны были дать красный, ставил под отраженный от воды свет те, из которых должны были вырасти белые тюльпаны». Алхимические приемы во всей красе! Наблюдающий за Корнелиусом Бокстель воображает, что целится в Корнелиуса из мушкета.

Случай погубить Корнелиуса Бокстелю скоро представляется. К ван Берле приезжает крестник – важный политический деятель, противник Вильгельма Оранского – и отдает ему на хранение какой-то сверток. Сцену наблюдает в бинокль Бокстель, догадывающийся, что это могут быть «бумаги политического характера», документы оппозиции.

Между тем Корнелиус уже в шаге от выведения черного тюльпана: он снимает с грядки «еще бесплодные луковицы от посаженных тюльпанов цвета жженого кофе; их цветение... должно было дать тот знаменитый черный тюльпан, которого добивалось общество цветоводов города Хаарлема».

* * *

Итак, 20 августа 1672 года в час дня Корнелиус находится у себя в сушильне. Он любит полученными луковичками – они «безупречные, неповрежденные, совершенные, – неоценимые зародыши одного из чудеснейших произведений науки и природы, которое в случае удачного опыта должно было навсегда прославить имя Корнелиуса ван Берле». «Жилки на их кожице так тонки, что они даже незаметны невооруженному глазу». Корнелиус предается размышлениям о том, как назвать новый сорт тюльпана. Решает в пользу «*Tulipa Nigra Barlaensis*». Когда спросят: «Почему „*Barlaensis*“?», – ответом будет: «В честь имени творца его, ван Берле». Когда спросят: «А кто такой ван Берле?», – будут отвечать: «Это тот, кто уже создал пять новых разновидностей: „Жанну“, „Яна де Витта“, „Корнеля“ и т. д.». А дальше – мечты о славе и о том, как будут потрачены сто тысяч, которые, кажется, уже в кармане. Половина из них пойдет на научные опыты, и Корнелиус добьется, что тюльпан будет благоухать. В идеале – издавать аромат розы или гвоздики. Или цветок вернет себе естественный аромат, которым, как Корнелиус думает, тот обладает в Индии или на Цейлоне.

В этот момент за ним и приходят служители закона. На него донес Бокстель, зная, что за хранение документов оппозиции полагается смертная казнь.

Сначала Бокстель испугался мысли о доносе, поскольку это могло привести Корнелиуса на эшафот. Но к зависти добавляется желание прикарманить сто тысяч. Бокстелю было хорошо известно, что ван Берле стоит на пороге выведения черного тюльпана, а его арест позволял завладеть заветными луковицами. После ареста никому не пришлось бы в голову их охранять, а

Бокстель ночью мог бы перебраться через забор. К тому же он точно знал, где находятся сокровища. Помимо премии Бокстель получил бы «великую честь назвать новый цветок „*Tulipa Nigra Boxtellensis*“».

При обыске бумаги нашли, Корнелиуса арестовали, но он успел положить в карман самое ценное – три луковички черного тюльпана. Бокстель этой же ночью забрался в сад, а затем и в дом, но луковичек не нашел. Бокстеля осенило, что ван Берле мог унести их с собой в тюрьму, и он пустился вдогонку за ван Берле в Гаагу.

Корнелиуса действительно приговаривают к смертной казни, а тот факт, что он занимался цветоводством, только добавляет серьезности обвинению: «Любовь к тюльпанам прекрасно уживается с политикой, и исторически доказано, что много очень зловредных людей садовничали так рьяно, как будто это было их единственным занятием, в то время как на самом деле они были заняты совсем другим». «То обстоятельство, что Корнелиус ван Берле занимался одновременно и тюльпанами, и политикой, доказывает, что натура у обвиняемого двойственная, двуличная, раз он способен одинаково увлекаться и цветоводством, и политикой, а это характеризует его как человека самого опасного для народного спокойствия».

Казнь должна быть совершена в тот же день, но Корнелиус каким-то чудом успевает передать луковички Розе, дочери тюремного смотрителя, и объяснить, в чем их ценность. А Бокстель уже в Гааге. За 100 флоринов он подкупает палача, и тот обещает отдать ему одежду казненного (Бокстель уверен, что луковички в карманах). Однако в последний момент смертная казнь заменена на пожизненное заключение. Корнелиус отправляется в тюрьму в отдаленном городе, вскоре вслед за ним приезжает Роза со своим отцом, который попадает в эту тюрьму «переводом». Между Корнелиусом и Розой вспыхивает любовь. Роза начинает приходить на свидания под окна камеры. Корнелиус учит безграмотную девушку читать и писать.

Бокстель не дремлет. Он знакомится с отцом Розы, под видом друга и под чужим именем проникает на территорию тюрьмы. И сначала кажется, что он интересуется самой Розой.

Наконец приходит пора сажать луковички. Одна посажена в камере в горшке, землю для которого принесла Роза. Две другие спрятаны у Розы. Одну луковицу решено высадить на грядку, которую приготовила Роза. Однажды тюремщик застаёт Корнелиуса с горшком – тот не услышал приближающихся шагов и не успел его спрятать, как он обычно делает. Тюремщик разбивает горшок и топчет тюльпан. Луковичек остается две. Бокстель проговаривается: он уверен, что их три! Этот разговор слышит Роза. Она вспоминает, что Бокстель за ней следил, когда она копала грядку. Эти факты наводят Корнелиуса на подозрения, что незнакомец (а лица его, ясное дело, Корнелиус не видел) интересуется не Розой, а тюльпанами. Корнелиус и Роза принимают меры предосторожности. Роза делает вид, что сажает тюльпаны на грядке, ухаживает и подсматривает за Бокстелем. Тот копается в земле, и становится ясно, что он действительно охотится за тюльпанами.

Корнелиус просит Розу хранить две оставшиеся луковички как зеницу ока: одну она должна возвращать согласно указаниям Корнелиуса, а другую хранить в шкафу и беречь, «как скупой бережет свою первую или последнюю золотую монету; как мать бережет своего сына; как раненый бережет последнюю каплю крови в своих венах». Доходит до того, что Корнелиус призывает Розу пожертвовать отношениями с ним, лишь только сохранить тюльпаны. Роза очень расстроена и обижена. «Я вижу, – сказала, рыдая, девушка, – вы любите ваши тюльпаны так сильно, что для другого чувства у вас в сердце не остается места». Она не приходит к Корнелиусу целых две недели и отсиживается в своей комнате.

В одиночестве Роза «накручивает» себя. Она думает, что если бы Корнелиусу «пришлось отдать свое сердце, то он, конечно, отдал бы его скорее тюльпану, то есть самому благородному и самому гордому из всех цветов, чем Розе, скромной дочери тюремщика». В итоге «в борьбе черного тюльпана с Розой побежденным оказался черный тюльпан».

Все закончилось хеппи-эндом. Тюльпан был выращен Розой в ее комнате. Он был «прекрасен, чудесен, великолепен; стебель его был восемнадцати дюймов вышины. Он стройно вытягивался кверху между четырьмя зелеными гладкими, ровными, как стрела, листками. Цветок его был сплошь черным и блестел, как янтарь».

Разумеется, он был украден Бокстелем, но в конце концов справедливость восторжествовала: Розе удалось доказать самому принцу Оранскому, что цветок выращен ею из второй луковицы. Заодно была доказана и невиновность Корнелиуса. Его выпустили из тюрьмы, вернули все конфискованное имущество. Корнелиусу еще в тюрьме удалось убедить Розу, что он любит ее больше черного тюльпана, и, выйдя на свободу, он женится на ней. А Бокстель умер от разрыва сердца, когда осознал, что пальма первенства в селекции черного тюльпана будет принадлежать не ему.

Город Хаарлем выплатил премию Корнелиусу и Розе и устроил народный праздник в честь цветка. Воскресенье, назначенное для церемонии вручения награды, стало днем народного ликования.

«Необыкновенный энтузиазм охватил горожан». Во главе представителей города и комитета садоводов блистал господин ван Систенс, бургомистр и председатель общества цветоводов, одетый в самое лучшее свое платье. «Этот достойный человек употребил все усилия, чтобы походить изяществом темного и строгого одеяния на свой любимый цветок...» А черный тюльпан несли на носилках, покрытых белым бархатом с золотой бахромой.

* * *

В реальной жизни все закончилось, конечно, по-другому. Пузыри схлопываются всегда, и момент начала краха очень трудно предугадать. Разворот тренда может вызвать самый ничтожный повод. В случае тюльпаномании первый «звоночек» краха, наверное, прозвенел еще в декабре 1636 года. Некий аптекарь и цветовод по имени Генрикус из города Гронингена продал тюльпанов на несколько тысяч гульденов с условием, что если цены до лета 1637 года упадут, то покупатель сможет отказаться от сделки, уплатив 10 % от покупной цены.

После 3 февраля 1637 года началось обвальное падение цен на тюльпаны. В Хаарлеме – центре торговли – в тот день прошел слух, что покупателей на рынке больше нет, что вполне соответствовало действительности. Вмиг остановились все сделки – тюльпаны не продавались ни за какие деньги, кроме единичных экземпляров уникальных сортов. В итоге цены на эти цветы упали примерно так же стремительно, как и выросли. В среднем новые цены составляли 5 % от пиковых и на прежний уровень не вернулись больше никогда.

Тюльпаномания является самой масштабной и наиболее известной из всех цветочных маний, но она не исключение.

В 1838 году во Франции разразилась нарциссомания, и не в смысле любования мужчин своим отражением в зеркале. Нарцисс, как и тюльпан, был сравнительно новым цветком в Европе, его завезли из Мексики в 1790 году. На пике «нарциссовой лихорадки» бежевый нарцисс можно было поменять на бриллиант.

В 1912 году в Голландии возник ажиотаж вокруг гладиолусов, но он оказался скоротечным.

В 1985 году нечто подобное произошло в Китае с лилией сорта «красный паук». Этот африканский цветок был завезен в Китай в 1930-м. Культивировалась эта лилия только в городе Чань-Чунге, где цветок имелся примерно у половины семей. Мания разразилась почти сразу же, как только в Китае начались экономические реформы. В 1985 году стоимость «красного паука» достигала 200 тыс. юаней, или 50 тыс. долларов. Цены на лилию упали очень резко, как только одна китайская газета опубликовала статью о тюльпаномании в Голландии XVII века.

Глава шестая

«С билетами всегда вы налегке, они удобней денег в кошельке» Одна из первых попыток выпуска бумажных денег в трагедии Гёте «Фауст» и «Персидских письмах» Монтескье

Бумаге служат в качестве заклада
У нас в земле таящиеся клады.
Едва их только извлекут на свет,
Оплачен будет золотом билет.

Так в «Фаусте» канцлер обнадеживает императора страны с опустевшей казной. На дворе времена, когда деньги – золото – из ничего пытались изготовить лишь алхимики.

Долго считалось, что прототипом главного героя доктора Фауста – ученого, ищущего истину, – был доктор Иоганн Фауст, реальный исторический персонаж, скитавшийся по протестантской Германии в первой половине XVI века. Чернокнижник, астролог, врач и естествоиспытатель, был он либо ловким шарлатаном, либо настоящим ученым.

Современный швейцарский экономист Ганс Бинсвангер, автор книги «Деньги и магия. Критика современной экономики в свете „Фауста“ Гёте», утверждает, что его прототипом был шотландец Джон Лоу, создатель оригинальной схемы введения в оборот бумажных денег во Франции¹⁸.

В 1706 году Лоу предложил эту идею Шотландии, но понимания не нашел. А вскоре был вынужден покинуть страну: он убил человека на дуэли, и ему грозила тюрьма. Лоу скитался по Европе девять лет, предлагая свою «систему» в Турине, Вене, Гааге... Зарабатывал на жизнь азартными играми. В карты он играл великолепно, строя игровую стратегию на теории вероятностей, и ему удалось этим много заработать. У Гёте есть сцена игры Фауста в кости с обезьяной, возможно, навеянная биографией Лоу.

Наконец Лоу попал во Францию, которой правил в те годы «король-солнце» Людовик XIV. Праздно-богемный образ жизни монарха и двора был очень обременительным для казны. Положение дел усугубила Война за испанское наследство 1701–1714 годов. После нее годовые проценты по госдолгу Франции были вдвое больше разницы между доходами и непроцентными расходами бюджета. Государство израсходовало все налоги на три-четыре года вперед. Многим госслужащим задержали зарплату за несколько лет, король занимал деньги у ростовщиков как частное лицо. Государство не могло платить по долгам – часть списали, проценты на оставшиеся понизили. Кредиторы государства не могли расплачиваться по своим долгам, дефицит кредита привел в ступор экономику: земли не обрабатывались, торговля пришла в упадок, потребление сократилось вполтину по сравнению с довоенными годами.

В 1715 году «король-солнце» умер, страной в качестве регента при малолетнем Людовике XV начал править герцог Орлеанский. Он без розовых очков смотрел на состояние финансов Франции и рассматривал возможность объявить ее банкротом. Лоу предложил свою

¹⁸ Binswanger H. C. *Money and Magic. A Critique of the Modern Economy in Light of Goethe's Faust*. Chicago: University of Chicago Press, 1994 (первое немецкое издание вышло в 1985 году). См. также его статью: Binswanger H. C. *The Challenge of Faust // Science*. July 31, 1998. V. 281. № 5377. P. 640–641.

«схему» герцогу, когда тот еще не был регентом. Она предполагала создание банка, выпуск банкнот (обязательств банка), свободно обмениваемых на золото. А когда к ним будет сформировано доверие – переход к бумажному денежному обращению. По мнению Лоу, от полного обеспечения банкнот золотом можно потом постепенно отойти, так как они будут обеспечены всем богатством страны, включая землю и недра. Идея была новаторской: в то время бумажные банкноты ходили только в Швеции, Голландии, Англии и некоторых итальянских городах-государствах. Схема предполагала избавление от внешнего долга за счет конвертации его в акции банка и сокращение ставки с семи до пяти процентов годовых.

Герцог Орлеанский решил дать Лоу шанс. 1 мая 1716 года государственным вердиктом шотландцу было позволено создать банк.

* * *

В «Фаусте» Бог и Мефистофель (сатана) спорят, сможет ли Мефистофель соблазнить Фауста и низвергнуть его в бездну. Бог уверен, что Фауст – его верный и наиусерднейший раб – выйдет из тупика. Мефистофель искушает престарелого Фауста, которому жизнь стала не мила:

Изведать после долгого поста,
Что означает жизни полнота.

Тот соглашается, выпивает ведьмино зелья и становится молодым, красивым и полным сил. Во второй части поэмы Мефистофель искушает Фауста богатством. Он приводит его к императорскому двору в государстве, где по причине оскудения казны царит разлад. Император больше озабочен балами, чем экономикой, он уверен, что «звезды неба благосклонны», сулят стране «преуспеянье», и не хочет «портить скукой и досадой приготовления к маскараду».

Придворные убеждены, что ситуация критична.
Начальник военных сил напоминает, что:
Нетерпелив солдат наемный
И требует уплаты в срок.

А не разбежится армия лишь потому, что у казны перед ней огромный долг. Казначей жалуется, что:

Пришел конец союзным взносам.
И денег никаким насосом
Теперь в казну не накачать.

Смотритель дворца сетует, что:

Не знают меры повара.
Олени, зайцы, гуси, куры,
Поставки свежую натурой
Не убывают для двора.

Тогда как платить нечем:

От недокорму чахнут свиньи.
Хозяйство все по швам трещит.
Спим на заложенной перине
И даже хлеб едим в кредит.

Никто не знает, как поправить дело, кроме выдающего себя за шута Мефистофеля. Искуситель развивает план пополнения денежных запасов путем поиска зарытых в земле кладов:

В горах есть золото в избытке,
Под зданьями зарыты слитки.

Сначала в эту идею не очень-то верят. Особенно канцлер, указывающий Мефистофелю, что здесь нечестивцев сжигают на костре за «лжеученья и обман». Однако император загорается идеей, для него находка кладов была бы решением проблемы:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.